

Собраніе сатирическихъ стихотвореній.

ЗНАКОМЫЯ ФИГУРКИ

(ЗАБАВНАЯ КОМЕДІЯ НРАВОВЪ).

БРИТЬЕ БЕЗЪ БРИТВЪ,
СТРИЖКА и ЗАВИВКА.

Составилъ ГУЛЛИВЕРЪ.

3-я премія журнала „СТРЕКОЗА".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія К. Ф. Далина, Невскій, 12.
1905

обраніе сатирическихъ стихотвореній.

НАКОМЫЯ ФИГУРКИ

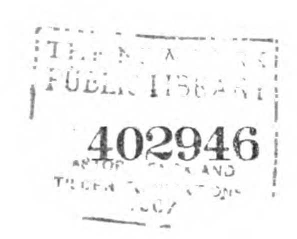
(ЗАБАВНАЯ КОМЕДІЯ НРАВОВЪ).

БРИТЬЕ БЕЗЪ БРИТВЪ,
СТРИЖКА и ЗАВИВКА.

Составилъ ГУЛЛИВЕРЪ.

3-я премія журнала „СТРЕКОЗА“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія К. Ф. Далина, Невскій просп. № 12.
1905

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Сентября 1905 г.

Къ читателю.

Преклонимтесь передъ чудесами XX-го вѣка. Въ вашихъ рукахъ маленькая книжечка, въ ней грандіозное зрѣлище, любопытйшій кинематографъ, курьезнѣйшая галрея „Знакомыхъ фигурокъ“.

Всѣ онѣ тутъ не только въ непрерывномъ иженіи. Всѣ онѣ думаютъ, разсуждаютъ, йствуютъ, создаютъ исторію.

Онѣ принадлежатъ къ разнымъ годамъ и нихъ разныя сферы вліянія и силы, разныя становки и разныя положенія.

Но въ тоже время всѣ онѣ объединены всѣ какъ бы вертятся въ одномъ кадрильмъ grand Rond.

Разгадка этого явленія—на одной-изъ странчекъ этой книжечки. Это страничка 13-ая на ней вотъ что сказано:

> Разъ bien-être général
> Переводчикъ съ знаньемъ малымъ
> Намъ по русски перевелъ
> «Хорошо быть генераломъ».
> Пусть подобный переводъ
> Вамъ покажется не вѣренъ,
> Онъ для русскихъ такъ идетъ,
> Такъ отмѣнно характеренъ...

Въ этомъ переводѣ — общій девизъ для ѣхъ „Знакомыхъ фигурокъ“.

I.

Ретрограды и консерваторы.

Ретроградъ и либералъ.

— Не смотря на рознь понятій,
Говорить я съ вами радъ, —
Такъ съ радушьемъ замѣчаетъ
Либералу ретроградъ.
— Гибкій умъ и тьму познаній
Я всегда въ васъ признавалъ, —
Деликатно отвѣчаетъ
Ретрограду либералъ...
— Ну, конечно, не могу я
Одобрять вашъ дикій взглядъ, —
Продолжаетъ ядовито
Либералу ретроградъ...
— Разумѣется, смѣшенъ мнѣ
Вашъ протухлый идеалъ, —
Говоритъ не безъ сарказма
Ретрограду либералъ.
— Залпъ площадной вашей брани
И безсмыслицы зарядъ
Оскорбить меня не можетъ, —
Гордо молвитъ ретроградъ...
— А кого-жъ обидѣть можетъ
Непосредственный нахалъ
И творецъ инсинуацій?
Шепчетъ гнѣвно либералъ.
Здѣсь, безмолвствуя надменно,
Либералъ и ретроградъ
Разошлись побѣдоносно —
Тотъ — *впередъ,* а тотъ — *назадъ.*

Непризнанный геній.

Надъ картами и за дѣломъ.

Надъ полемъ картежнымъ поникнулъ угрюмо
Мужей величавыхъ синклитъ.
У каждаго старца глубокая дума
На черепѣ голомъ блеститъ.
Во взорахъ ихъ грозныхъ забота нѣмая,
И рѣзкія складки на лбу,
Какъ будто склонились они, обсуждая
Великихъ вопросовъ судьбу.
Торжественно, мрачно, зловѣще, сурово
Порой произносится «пассъ»!
Какъ будто-бы это ужасное слово
Грозитъ всей Европѣ заразъ...
А завтра и вправду великихъ вопросовъ
Придется имъ много рѣшать;
И будетъ не тотъ уже каждый философъ,—
Да, завтра его не узнать...
Пассуя мозгами надъ ихъ разрѣшеньемъ,
Зѣвнетъ и одинъ, и другой
Съ тупымъ равнодушьемъ, съ покойнымъ терпѣньемъ,
Точь-въ-точь надъ картежной игрой...
Безсилье предъ горемъ родимаго края
Слегка опечалитъ мужей,
Какъ будто-бы вздача довольно пустая,
Гдѣ мало пришло козырей...

Л. Пальминъ.

Наставленіе.

Если ты никогда съ подчиненными лихъ
Не бывалъ, какъ начальникъ, а другомъ ихъ былъ;
Никого не «разнесъ», не «подвелъ», и не «сжилъ»,—
Пожалѣй о быломъ; ты для пользы другихъ
Не служилъ!...

Нез.

Типъ.

Онъ украшенъ орденами,
    А прическа à l'Anglaise
И просителей рѣчами
    Онъ чаруетъ, словно бѣсъ.
Передъ высшими — онъ низокъ,
    Передъ низшими — высокъ;
Съ богачами — очень близокъ,
    Но отъ бѣдныхъ онъ далекъ.
О народномъ благѣ вѣчно
    Важно любитъ рѣчь вести,
Но способенъ онъ сердечно
    Лишь свое добро блюсти.
Вверхъ по лѣстницѣ служебной
    Часто ходитъ въ храмъ наградъ,
Распѣвая гимнъ хвалебный...
    Вотъ онъ — *русскій бюрократъ!*

1877 г. *Л.*

Рѣка и ретроградъ.

Предъ многоводною рѣкою
На берегу старикъ стоялъ
И взгляды, полные тоскою,
На воды быстрые бросалъ.

— «Ты, — онъ сказалъ, — волна рѣчная,
«Подобна жизни міровой:
«Несется въ вѣчность жизнь людская
«Неудержимою волной».

И вдругъ, смущенный новой думой,
Заплакалъ бѣдный ретроградъ...
«Рѣка! — онъ вымолвилъ угрюмо, —
«Тебя нельзя вернуть назадъ»!

Михайло Топтыгинъ.

Бюрократка.

Вотъ она — принципала супруга,
Утопаетъ въ шелку, въ кружевахъ;
Украшенье губернскаго круга, —
И полна и бойка на словахъ...
Вся проникнута чина сознаньемъ,
Она гордо на низшихъ глядитъ,
И лишь тѣхъ удостоитъ вниманьемъ,
Кто предъ ней мелкимъ бѣсомъ юлитъ.
Подчиненные мужа, конечно,
Всѣхъ усерднѣй кадятъ передъ ней
И дугой, въ услуженьи сердечномъ,
Спины гнутъ предъ богиней своей.
А который согнуться не хочетъ,
Такъ того предъ своимъ муженькомъ
Она ѣдко, упрямо порочитъ,
Осмѣетъ и въ гостиной тайкомъ.
Такъ, имѣя отсталые взгляды
И супруга упрятавъ подъ гнетъ,
Одному — она сыплетъ награды,
На другого — грозу низведетъ.

Дядя Пахомъ.

Чиновникъ пишетъ пріятелю-пессимисту.

Есть *„пособіе“... „награда“!*
Человѣческій удѣлъ
Не брани-жъ ты, полный яда,
Пессимистъ, ретивъ и смѣлъ!
Не стремись зрѣть въ жизни ада,
Есть у жизни сладкій плодъ:
„Повышеніе оклада“,
„Ассигновки“ не въ зачетъ...

А. Л.

Сонъ и пробужденіе.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ
Въ своемъ кабинетѣ сидѣлъ;
Предъ нимъ красовалася груда,
Къ рѣшенью назначенныхъ дѣлъ.
Читалъ онъ дѣла съ напряженьемъ,
И хмурилъ такъ сильно чело,
Но видѣлъ лишь буквы, а смысла
Не могъ уловить, какъ на зло.
И даже вспотѣлъ онъ съ натуги,
Отъ лысины гладкой до пятъ, —
Затѣмъ, что иными мечтами
Всецѣло былъ старецъ объятъ.
И сталъ онъ поклевывать носомъ,
И въ грезахъ совсѣмъ потонулъ,
Все чаще и чаще зѣвая,
Онъ сладко и крѣпко заснулъ...
И снится ему, что какъ будто
Мы только что взяли Царьградъ, —
И самъ онъ тамъ вдругъ очутился,
И ждетъ повышенья, наградъ.
Вотъ онъ помпадуръ... Управляетъ
Громадною областью онъ...
Вся знать покореннаго края
Приходитъ къ нему на поклонъ...
Онъ въ пышномъ дворцѣ поселился,
Запрета ни въ чемъ ему нѣтъ...
Кальянъ богатѣйшій онъ куритъ,
И вмѣсто воды, пьетъ шербетъ.
Помадится розовымъ масломъ,
Рахатъ-лукумъ каждый день ѣстъ...
Мѣняетъ метресъ, какъ перчатки,
Дары ему шлютъ изъ всѣхъ мѣстъ.
Катается въ вѣнской коляскѣ
На кровныхъ арабскихъ коняхъ...

Сверкаютъ бриллiанты, рубины
Въ его драгоцѣнныхъ перстняхъ.
Вотъ въ паркѣ онъ съ женщиной чудной,—
Тамъ зной умѣряетъ фонтанъ;
Въ аллеѣ изъ розъ и жасминовъ
Онъ обнялъ красавицы станъ.
И нѣжнымъ, и страстнымъ лобзаньемъ
Она обжигаетъ его...
И старецъ во снѣ захихикалъ,
И слюньки текутъ у него...
И весь переполненъ блаженствомъ,
Унесся въ нездѣшнiй онъ свѣтъ, —
Вдругъ, слышитъ надъ самымъ онъ ухомъ:
«Вамъ, Ваше-ство, присланъ пакетъ»!
Тутъ старецъ мгновенно очнулся,
Надѣлъ золотое пенснэ...
Читаетъ... И вѣрить не хочетъ...
И мыслитъ: «Нѣтъ, это во снѣ»...
Увы! наяву то случилось,
Такъ зло рокъ надъ нимъ подшутилъ:
Дѣйствительный статскiй совѣтникъ
Уволенъ отъ должности былъ!

Незлобивый поэтъ.

Всеобщее измельчанiе.

(Вопль канцелярскаго старца).

Эхъ, въ минувшiе дни распекали
И съ умѣньемъ и съ тактомъ всегда!
У виновныхъ всѣ члены дрожали,
Какъ бываетъ порой въ холода.
По спинѣ пробѣгали мурашки,
Волоса могли дыбомъ стоять;
Нынѣ, нѣтъ сей прекрасной замашки:
«Генералъ» — даже тотъ, сталъ мельчать..

Л. М-въ.

Общая мечта.

Разъ bien-être générale,
Переводчикъ съ знаньемъ малымъ,
Намъ по русски передалъ:
«Хорошо быть генераломъ»...

***

Пусть подобный переводъ
Вамъ покажется не вѣренъ,
Онъ для русскихъ такъ идетъ,
Такъ отмѣнно характеренъ!

***

Въ нашей жизни, господа,
Роль завидна генераловъ.
Это — общая мечта,
Идеалъ всѣхъ идеаловъ.

***

Чуть чиновникъ гдѣ трещитъ
Про общественное благо,
Знай: карманъ его набитъ, —
Въ генералы бьетъ чинага.

***

Генералъ-ли инженеръ,
Генералъ-ли докторъ флота,
У кого какой онеръ —
Въ генералы всѣмъ охота!

***

Если въ обществѣ порой
Разгсворъ, вдругъ, прекратился,
То обычай есть такой —
Говорятъ: «дуракъ родился».

***

Но, гдѣ шумъ большой идетъ
За bien-être général'ы,
Други, знайте напередъ, —
Тамъ родятся генералы.

1882 г. *Сентиментальный юмористъ.*

Совѣтникъ и блоха.

Совѣтникъ статскій, пообѣдавъ,
Когда окончилъ трудъ дневной,
Храня обычай нашихъ дѣдовъ,
Прилегъ немного на покой.
Онъ въ департаментѣ порядкомъ
Бумагъ сегодня подписалъ
И, утомясь, въ забытьѣ сладкомъ
Во рту съ сигарой задремалъ.
Но блошка, рѣзвая плутовка,
Хотя и вовсе не со зла,
То здѣсь, то тамъ кусая ловко,
Ему покоя не дала.
— О, кровопійца! Дармоѣдка!
Ты не трудомъ живешь, о, нѣтъ!
Промолвилъ строго онъ и ѣдко, —
Безъ пользы тяготишь ты свѣтъ:
Людей трудящихся кусая,
Что производишь ты сама,
Тварь безполезная и злая,
Безъ долга, чести и ума? —
Затѣмъ, предпринялъ онъ облаву,
Прервавши размышленья нить.
Тутъ отличился онъ славу
И ужъ хотѣлъ блоху казнить.
Но, упрыгнувши въ одѣяло
И въ тишинѣ укрывшись тамъ,
Блоха ехидно пропищала:
«А чѣмъ живешь, совѣтникъ, самъ»?.

Л. Пальминъ.

Силуэтикъ перомъ.

Службу несъ честно коронную,
Клялъ громогласно онъ взятку!
Кралъ лишь бумагу казенную,
Да вѣдь и ту для порядку!

Честь считалъ выдумкой странною,
Зналъ всѣ статейки закона, —
Въ бракъ вступилъ выгодно, съ Анною
Бонною толстой патрона.

Онъ дослужился, — значительный,
Правъ генеральскаго чина...
Жизнь его — фактъ поучительный,
Это примѣрный мужчина!

Е. Кони.

Отсталые.

Будто новая египетская казнь,
Поразила ихъ мыслебоязнь:
Истомленные тревогою умы
Новыхъ мыслей избѣгаютъ, какъ чумы.
Словно — только по торёному пути
И возможно къ свѣту истины придти;
Точно все — вполнѣ извѣдано во всемъ,
Что̀ намъ видимо-ль, невидимо кругомъ;
Словно всюду ужъ — такая благодать,
Что опасно даже лучшаго желать...
Не вернулъ-ли ужъ на землю человѣкъ
Золотой, давно забытый міромъ вѣкъ?
Или — новая египетская казнь
Поразила всѣхъ мыслебоязнь!

1896 г. *Аполлонъ Коринфскій.*

Хамелеонъ.

Глядя съ надменностью на свѣтъ,
Я слылъ, какъ ярый консерваторъ...
Тогда мнѣ было двадцать лѣтъ,
Я былъ коллежскій регистраторъ.

***

Потомъ, ругая громко старь,
Я говорилъ: впередъ, за дѣло!
И, какъ губернскій секретарь,
Судилъ немного даже смѣло...

***

Коллежскимъ ставъ секретаремъ,
Я сталъ великимъ либераломъ, —
И мнѣ, бывало, ни почемъ
Поспорить даже съ генераломъ...

***

Но... въ силу разныхъ тамъ причинъ,
Я бросилъ тонъ свой фамильярный
И говорилъ: чти чина чинъ!
Какъ сталъ совѣтникъ титулярный.

***

Сознавъ, что штабъ я офицеръ
(Коллежскій былъ ужъ я ассесоръ),
Я вновь наслушался химеръ,
И рѣчи жарилъ, какъ профессоръ.

***

Три года ерундилъ я такъ,
Но ставъ совѣтникомъ надворнымъ,
Перемѣнилъ я снова флагъ,
Ставъ консерваторомъ покорнымъ.

***

Теперь я штатскій бригадиръ,
И скоро буду генераломъ...
А что, не удивить-ли міръ,
Ставъ генеральнымъ либераломъ?

Евгеній Кони.

Огорченный Курдюкъ.

(Петербургская баллада).

I.

ѣйствительный статскій совѣтникъ Курдюкъ,
ородный, румяный, какъ солнечный кругъ,
бѣдовъ хорошихъ знатокъ и цѣнитель
пола прекраснаго страстный любитель,
озавтракавъ плотно въ трактирѣ «Москва»
шубу медвѣжью надѣвши, едва
а улицу вышелъ, какъ скрыть удивленья
е могъ. Никогда онъ такого движенья
е видѣлъ, не помнилъ такихъ похоронъ:
акъ тихое море съ различныхъ сторонъ
округъ колесницы толпа тысячъ во сто
одвинулась какъ-то торжественно просто...
тдѣльными группами шла молодежь
ъ вѣнками лавровыми, — ихъ не сочтешь, —
убраны пышно вѣнки были эти.
мѣшались мужчины, и дамы, и дѣти,
ечально у многихъ потупленъ былъ взоръ,
За хоромъ однимъ новый слѣдовалъ хоръ.
И весь подвижной, погребальный тотъ клиросъ
Отъ самой Литейной, до Знаменской выросъ.

II.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Курдюкъ,
Толпой увлеченный, смотрѣть сталъ вокругъ
На пышный кортежъ, на толпу возлѣ гроба,
И думалъ: Конечно, большая особа
Скончалась, вельможа помре, крупный чинъ,
А иначе не было-бъ вовсе причинъ
Въ столицѣ его хоронить такъ парадно...
Однако... однако тутъ что-то не ладно,
Курдюкъ съ безпокойствомъ раздумывать сталъ. —
Я самъ въ крупномъ чинѣ, я самъ генералъ,
Различныхъ особъ хоронилъ я не мало
И знаю, что такъ на Руси генерала
Нельзя, невозможно никакъ погребать.

Во первыхъ, регалій нигдѣ не видать,
А ихъ, для парада, — онѣ не игрушки, —
Всегда до кладбища несутъ на подушкѣ;
Затѣмъ, нѣтъ мундировъ, чиновныхъ фигуръ;
Толпа либеральна на видъ черезъ чуръ,
И слишкомъ ужъ много въ ней «длинноволосыхъ»:
Сюда пять-шесть тысячъ, не меньше, сошлось ихъ...

III.

«Позвольте спросить», — оглянувшись вокругъ,
Дѣйствительный статскій совѣтникъ Курдюкъ
Спросилъ одного господина въ енотѣ: —
«Кого хоронить, господа, вы идете»?
— «Кого»? съ изумленьемъ замѣтилъ енотъ,
Невольно свой шагъ замедляя, — «идетъ
«За гробомъ почти цѣлый городъ, и вдругъ вы
(Курдюкъ сталъ краснѣй кумача, или клюквы)
«Съ вопросомъ подобнымъ»! — «За этотъ вопросъ
«Прошу извиненья, но умеръ-то кто-съ»?
— «Не знаете развѣ? Извѣстный писатель»!
— «Писатель, и только... Что слышу, Создатель»!

IV.

Курдюкъ, не дослушавши словъ до конца,
Курдюкъ то горѣлъ, то, блѣднѣй мертвеца
Отъ мыслей, бушующихъ въ немъ, становился;
Курдюкъ, поскакалъ и дорогой крѣпился;
Когда-же завидѣлъ квартиры порогъ,
Въ дверяхъ оборвалъ онъ мгновенно звонокъ.
Рванулъ ручку двери, и ахнула громко,
Всплеснувши руками, его экономка;
Но сбросивши шубу съ себя и сюртукъ,
Дѣйствительный статскій совѣтникъ Курдюкъ
Далъ полную волю проклятьямъ и гнѣву,
Смутивъ экономку, почтенную дѣву,
Потокомъ ругательствъ отборныхъ такихъ,
Что нѣмка застыла, услышавши ихъ.
Та дѣва изъ Риги, лѣтъ за сорокъ слишкомъ,
Хотя къ генеральскимъ капризамъ и вспышкамъ
Давно попривыкла, робка по натурѣ,
Но все-жъ не слыхала она такой бури.

Курдюкъ-же ревѣлъ, словно раненый: «Какъ?
«Писака какой-нибудь... нищій, голякъ
(Онъ тутъ оборвалъ у сорочки весь воротъ)
«Такой удостоился чести? Весь городъ
«За гробомъ его несъ хоругви, вѣнки!...
«Что власти смотрѣли? Мои кулаки
«Сжимались все время при этомъ скандалѣ...
«О, если-бы волю... сегодня... мнѣ дали,
«То я»... Тутъ упалъ, какъ подкошенный вдругъ
Дѣйствительный статскій совѣтникъ Курдюкъ
И, — былъ генералъ оскорбленъ очень тяжко, —
Хватилъ его на смерть въ то утро Кондрашка,
И докторъ, взглянувши на казусъ такой,
Ушелъ, безнадежно махнувши рукой.

V.

Прошло трое сутокъ. По грязной дорогѣ
На Волково двигались крытыя дроги,
На нихъ возвышался глазетовый гробъ,
За гробомъ, нахмуривши низкій свой лобъ,
Плелась экономка, съ ней двѣ-три старушки;
Несли ордена на обычной подушкѣ,
А сзади шла кучка знакомыхъ, родныхъ.—
Покойникъ едва-ли узналъ-бы иныхъ,
Отставши отъ многихъ родныхъ и знакомыхъ:
Путейскій полковникъ, что выпить не промахъ
И ради поминокъ покушать; — кадетъ;
Чиновникъ изъ банка — партнеръ и сосѣдъ
Умершаго, — писарь; какая-то полька,
Курьеръ, да племянникъ съ супругой и — только.
И если-бы могъ оглянуться вокругъ
Дѣйствительный статскій совѣтникъ Курдюкъ,
Слегка приподнявъ надъ собой крышку гроба,
Такая-бъ блестнула въ немъ дикая злоба,
Увидя своихъ провожатыхъ, что вновь
Застыла-бъ слегка забродившая кровь,
И — выбранивъ эту компанію зычно —
Съ досады навѣрно-бъ онъ умеръ вторично.

Д. Минаевъ.

Благонамѣренный человѣкъ.

—

О вопросахъ разныхъ,
Личныхъ и заглазныхъ,
Сослуживцы спорятъ,
Молодежь задорятъ.
Онъ-же за бумагой
Съ дѣловой отвагой
Все сидитъ, да пишетъ,
Ничего не слышитъ.

Если спросятъ друга
Даже въ часъ досуга:
«Какъ, молъ, ваше мнѣнье»?
Онъ въ одно мгновенье
Васъ съ улыбкой встрѣтитъ
И тотчасъ отвѣтитъ:
«Наша хата съ краю»!
«Ничего не знаю»!

Отъ чиновныхъ пѣшекъ
Шутокъ и насмѣшекъ
Принимаетъ въ волю
На свою онъ долю,
Разсуждая здраво:
«Все равно мнѣ, право, —
«Хоть въ глаза наплюйте,
«Хоть, пожалуй, вздуйте»...

Если-жъ неминучій
Подвернется случай,
То, безъ разсужденій,
Смыслъ иныхъ сужденій,
Послѣ краткихъ паузъ,
Намотается нá усъ
И рѣшитъ вопросецъ,
Настрочивъ... доносецъ...

А. Ф. Ивановъ.

Человѣкъ съ душой.

(Консервативная идиллія).

Ахъ, человѣкъ онъ былъ съ душой,
Какихъ ужъ нынче нѣтъ!
Носилъ онъ галстукъ голубой
И клѣтчатый жилетъ.

Онъ уважалъ отчизну, домъ,
Преданья старины;
Сюртукъ просторный былъ на немъ
И узкіе штаны.

Не вѣдалъ онъ во все житье,
Что значитъ праздность, лѣнь;
Мѣнялъ онъ черезъ день бѣлье,
Рубашки — каждый день.

Онъ слишкомъ преданъ былъ добру,
Чтобъ думать о дурномъ;
Пилъ рюмку водки по утру
И рюмку передъ сномъ.

Онъ не искалъ такихъ друзей,
Чтобъ льстили, какъ рабы;
Любилъ въ сметанѣ карасей
И бѣлые грибы.

Въ душѣ не помнилъ онъ обидъ;
Былъ честный семьянинъ
И хоть женой былъ часто битъ,
Но спать не могъ одинъ.

До поздней старости своей
Былъ кроткій человѣкъ,
И провинившихся дѣтей
Онъ со слезами сѣкъ.

Когда-же часъ его насталъ —
Положенный на столъ,
Онъ въ бѣломъ галстукѣ лежалъ,
Какъ будто въ гости шелъ.

Въ день похоронъ былъ данъ большой
Кухмистерскій обѣдъ.
Ахъ, человѣкъ онъ былъ съ душой,
Какихъ ужъ нынче нѣтъ!

В. Курочкинъ.

Провинціальные Фамусовы.

Люди взгляда высшаго
Книгъ вы захотите-ли!
Пусть для класса низшаго
Пишутъ сочинители.
Для чего вамъ болѣе
Все людское знаніе!
Не того сословія —
Чтобъ читать изданія!

Нынче — травля славная,
Завтра — скачка тройками;
То — обѣдъ, гдѣ-главное —
Угостятъ настойками.
То къ роднѣ отправишься,
Съ дворнею — мученіе...
Ясно, что умаешься, —
Тутъ ужъ не до чтенія.

Пусть зубрятъ приказные
Тѣ статьи ученыя,
Гдѣ идеи разныя
Очень развращенныя.
Мы-жъ, допивъ шампанское,
Спросимъ съ удивленіемъ:
Дѣло-ли дворянское
Заниматься чтеніемъ?

Д. Минаевъ.

Бесѣда двухъ пріятелей.

— Не даютъ впередъ намъ хода! —
Молвилъ яркій либералъ
И вздохнулъ, подъ столъ бросая,
Неразрѣзанный журналъ.

— «Ну, не вздоръ-ли это, право?
«Нѣтъ, пріятель, ты шалишь,
«Ты и самъ сейчасъ увидишь,
«Что неправду говоришь!

«Напримѣръ, пожаръ случится...
«Встанешь, смотришь, какъ горитъ,
«Застоишься... и начальство
«*Проходите,* — говоритъ».

«Иль случится приключенье,
«Взглянешь — въ мигъ толпы стоятъ,
«Имъ тотчасъ-же, съ чувствомъ съ толкомъ,
«*Расходитесь,* — говорятъ».

«На твою, пріятель, фразу
«Я привелъ примѣръ простой
«И невольно удивляюсь,
«Гдѣ-же видишь ты *застой*»?

— Все не то! сказалъ пріятель, —
Подтвержу я сотню разъ,
Что различнымъ обличеньямъ
Мало *пропуска* у насъ.

— «Пропускъ намъ вездѣ свободенъ,
«Мы живемъ не подъ ключемъ,
«Наша русская натура
«Не стѣсняется ни въ чемъ».

«Изъ садовъ, собраній, клубовъ
«Выводя гостей подрядъ,
«Обращаясь къ намъ-же часто
«*Пропустите,* говорятъ» !

— «Это такъ»! сказалъ пріятель,
«Но, сатирою грозя,
«Намъ не только расписаться» —
«И писать совсѣмъ нельзя»...

— «То же вздоръ»! я молвилъ другу:
«Пишемъ мы о чемъ хотимъ,
«Даже, деньги отдавая,
«*Распишитесь,* говоримъ»...

Передъ истиной такою
Преклонясь, въ единый мигъ
Былъ поставленъ мой пріятель
Окончательно въ тупикъ!

Классикъ.

Плохой свѣтильникъ.

Въ поддержкѣ отжившихъ основъ ретрограды
Изъ силъ выбиваться неистово рады,
Прогрессу идти на проломъ.
Они, преклонясь къ идеаламъ отжившимъ,
Проклятія шлютъ временамъ наступившимъ,
А истину видятъ въ быломъ...
Но тщетно! ихъ тусклый огонь идеала —
Какъ лампа: давно фотогена въ ней мало...
Нагара свѣтильня полна...
Чѣмъ больше вывертывать, — больше и смрада...
Изсякъ, догорѣлъ фотогенъ ретроградa,
Осталась лишь копоть одна...

Пал.

Размышленія генерала о лести.

Что за штука эта лесть?
Видишь ясно, надуваютъ,
По лицу легко прочесть, —
За глупца тебя считаютъ...

Но по жилкамъ, между тѣмъ,
Сладкій трепетъ бьетъ невольно
И, дурѣя вдругъ совсѣмъ,
Корчишь видъ самодовольный.

С. Ю.

Деликатный человѣкъ.

Деликатнымъ нравомъ къ каждому порогу,
Пролагаетъ ловко онъ себѣ дорогу;
Баками, глазами карими на выкатъ
Получаетъ много онъ по службѣ выгодъ;
Да притомъ, владѣя карамзинскимъ слогомъ,
Успѣваетъ часто мой герой во многомъ.
Ахъ, его природа щедро наградила:
Къ каждому онъ въ душу можетъ влѣзть безъ мыла.
Обладая рѣдкимъ и полезнымъ даромъ,
Нравится онъ малымъ, нравится онъ старымъ:
Хохотъ — онъ хохочетъ; плачутъ — онъ печаленъ —
Вѣрно ты, читатель, скажешь: «Н-да, Молчалинъ»!
Нѣтъ, читатель милый! ты совсѣмъ не тонокъ —
Передъ нимъ Молчалинъ — маленькій ребенокъ;
Онъ его, навѣрно, уничтожилъ сразу-бъ, —
Мой герой съ начальствомъ иногда зубъ за зубъ.
Только, какъ зубъ за зубъ? — прехитро, однако —
(Какъ съ щенкомъ играетъ умная собака).

Онъ заводитъ споры для того лишь, чтобы
Сдѣлать утѣшенье для такой особы,
И потомъ, съ смиреньемъ, чисто христіанскимъ,
Смазать ему душу масломъ пареванскимъ.
Онъ женатъ три года, и его супругѣ
Дѣлаетъ начальникъ разныя услуги:
Даритъ ей браслеты, покупаетъ ложи,
Ѣздитъ съ ней кататься по садамъ — и что-же?
Онъ хоть за супругой видитъ много пятенъ,
Но молчитъ; не правда-ль, какъ онъ деликатенъ?
Онъ по воскресеньямъ въ церкви вторитъ пѣвчимъ —
Упрекнуть героя — ну, ей-Богу, не въ чемъ!
Ахъ! онъ; годъ отъ году дѣлаясь богаче,
Возлѣ Черной Рѣчки пріобрѣлъ три дачи:
Словомъ, онъ былъ счастливъ; на его-бы мѣстѣ
Вѣдь, иной, пожалуй, прожилъ-бы лѣтъ двѣсти,
Ну, а онъ — хоть грустно, умолчать нельзя-же —
Такъ былъ деликатенъ и учтивъ, что даже,
Не смотря на службу, и друзей кручину,
Прожилъ деликатно только половину.

Г. Н. Жулевъ.

„Добрякъ".

Добрякъ въ душѣ, ораторъ не плохой,
Онъ возглашалъ чувствительные тосты
За жирною, янтарною ухой:
— «Братъ-мужичекъ, какъ высоко возросъ ты!
Пью за тебя, кормилецъ и герой!
Ты сохранилъ въ душѣ живое сѣмя,
Безъ ропота несешь ты жизни бремя»!
Но про себя «добрякъ» твердитъ порой:
— «Ахъ, чортъ возьми! Прогналъ-бы я сквозь строй
«Съ охотою все Хамовское племя»!

Л. Н. Трефолевъ.

Протестъ ретроградамъ, обвиняющимъ насъ въ „безвѣріи“.

Всю жизнь упорно пятясь задомъ,
Какъ подобаетъ ретроградамъ,
Сонмъ разныхъ старцевъ и старухъ
Твердитъ давно со злобой черной,
Что отрицанья духъ тлетворный
Проникъ въ нашъ мозгъ, проникъ въ нашъ духъ.
Но посреди отчизны милой
Живя и странствуя, не разъ
Я думалъ: Господи помилуй,
Гдѣ эти скептики у насъ?

***

Въ насъ много дѣтскаго довѣрья,
И нѣтъ такого лицемѣрья,
Идеи дикой, наглой лжи,
Не поддались-бы мы которымъ,
И даже много разъ съ задоромъ
За нихъ-же лѣзли на ножи.
Исполнены наивной вѣры
И тормозя свои умы,
За хвостъ мы ловимъ всѣ химеры...
Нѣтъ, скептики плохіе мы.

***

Повѣримъ на слово всему мы;
Мы плуту хоть какія суммы.
Поручимъ: на, дескать, храни!
Дразня воровъ, какъ бы нарочно.
Не грабятъ денно, или нощно
Насъ только дураки одни.
Хоть много щукъ въ житейскомъ морѣ,
Но нѣтъ и страха въ карасѣ,
И горе — для него не горе.
Какіе-жъ скептики мы всѣ?

***

И «отрицанье» отрицая —
Скажу отъ своего лица я,
Сквозь призму розовыхъ очковъ
На все мы смотримъ, въ той надеждѣ,
Что лучше будемъ жить, чѣмъ прежде
И что подъ гнетомъ облаковъ
Зарю увидимъ золотую,
А не зловѣщій мракъ зимы...
Нѣтъ, я открыто протестую:
Какіе скептики всѣ мы?

Д. Минаевъ.

Уродъ.

(Происшествіе въ семьѣ сановника).

У княгини родился уродъ...
(Кто-же ждать могъ подобной напасти)!
До ушей улыбается ротъ, —
Волчьи зубы бѣлѣютъ изъ пасти, —
И желто и безстрастно лицо;
Тѣльце дрябло, дрожаще и мало,
И спина изогнута въ кольцо,
И языкъ — какъ змѣиное жало.
Руки длинны... чуть-чуть не до пятъ,
Цѣпки пальцы, какъ когти у птицы,
Глазки хитрою злобой горятъ,
Носъ въ движеньи, какъ рыльце лисицы,
А ступни перевернуты вспять
И огромныя, чуткія уши...
Князь смущенъ и готовъ зарыдать,
А княгиня — горластѣй кукушки!
Лишь одинъ не смущается дѣдъ:
— Въ чемъ, скажите, нашли вы урода?
Просто онъ лишь по модѣ одѣтъ —
Нашихъ дней это лучшая мода,
Эта мода — прочна и проста,
Внуку съ нею легко проживется...
Жаль одно лишь — что нѣтъ вотъ хвоста,
Чтобъ вилять имъ, когда приведется!

Е. Кони.

Господа, не хотите-ли назадъ?

(Пѣсня ретроградa).

Все впередъ, да впередъ! Не хотите-ли
Повернуть и назадъ, господа!
Вѣдь живали-жъ безъ васъ, — просвѣтители!
Наши дѣды и наши родители,
Такъ и мы проживемъ безъ труда!

Жизнь стариннаго, русскаго барина,
Какъ хотите, а пò-сердцу намъ:
Крѣпкій сонъ, послѣ бани испарина,
Да идейки Ѳаддея Булгарина,
Да ходьба по... лакейскимъ скуламъ!

То оброкомъ тяжелымъ, то взяткою
Припѣваючи жили мы встарь:
Съ мужичкомъ пили водочку сладкую,
Съ нимъ дрались, развлекались присядкою,
И читали одинъ календарь!

За рѣшеткой балкона чугуннаго
У дѣвицъ прогонялася грусть
Созерцаніемъ вечера лунного
И Бернета стихи, и Трилунного
Знали твердо онѣ наизусть.

Жены заперты въ комнаты тѣсныя,
Привыкали къ чулку, да къ чепцамъ,
У мужей были псарни чудесныя,
А ужъ гласность и школы воскресныя
И не грезились нашимъ отцамъ.

Не являлись тогда обличители.
Что-жъ? Ужъ если безъ бурь, безъ утратъ,
До ста лѣтъ жили наши родители,
Такъ и вы, господа, не хотите-ли,
Повернуть по-легоньку назадъ?

Д. Минаевъ.

Исповѣдь одного „хорошаго“ человѣка.

Да, многими я не любимъ,
Хотя и способенъ на ласку...
Люблю подчиненнымъ своимъ
Порой задавать я острастку.
На дняхъ, въ настроеньи такомъ,
Сижу я, — пришелъ подчиненный,
Старикъ дѣловой и почтенный —
Я назвалъ его дуракомъ...
Хотѣлось-бы быть съ нимъ построже...
— «Ну, что-же»? — Какъ треснетъ по рожѣ!

***

Повѣсилъ уныло я носъ,
Съ недѣлю почти не обѣдалъ,
Но плюху я ту перенесъ
И гласности дерзость не предалъ...
Съ тѣхъ поръ осторожнѣй я сталъ;
Но разъ въ кабинетикъ мой барскій
Служитель пришелъ канцелярскій,
Его по шеямъ я прогналъ...
Какъ онъ обозлится, о Боже!...
— «Ну, что-же»? — Мазнулъ, братъ, по рожѣ!

***

На что ужъ прислуга, и та
Способна на всякую мерзость;
Ужасно собой занята:
Попробуй, скажи-ка ей дерзость?
Съ прислугой своей я не строгъ...
Частехонько въ дѣтскую шляясь,
Однажды я нянюшку, — каюсь! —
Для ласки въ губеночки чмокъ!
Но честь ей всего, вишь, дороже...
— «Ну, что-же»? — Да тоже... по рожѣ!

***

Но Боже меня упаси,
Чтобъ этимъ я былъ озабоченъ...
Спаслось-ли у насъ, на Руси,
Хоть треть-то людей отъ пощечинъ?
Однако, какъ ночь-то темна...
Теперь намъ разстаться придется —
Вѣдь, долго, чай, ждетъ не дождется
Меня дорогая жена...
Боюсь за жену я... — «Чего-же»?
— Да смажетъ, пожалуй, по рожѣ!

Г. Жулевъ.

Эпитафіи.

1.

При жизни онъ безбожно бралъ...
Въ немъ взятка совѣсть усыпила
И, брать онъ не переставалъ,
Пока его взяла могила.

2.

Подъ сей могильною плитой
Лежитъ борецъ за тьму, — съ прогрессомъ...
Хоть человѣкъ онъ былъ худой,
Но слылъ большой особой съ вѣсомъ.

Б. Н.

Надпись на памятникѣ.

И долго буду я народу тѣмъ любезенъ,
Что я не сдѣлалъ ничего,
Кто былъ всю жизнь, какъ трутень, безполезенъ
И не обидѣлъ никого...
Начальства голосу внималъ всегда послушно,
Былъ заурядный человѣкъ,
Терпѣлъ плевки, обиды равнодушно
И былъ... Молчалинымъ весь вѣкъ.

Доръ.

Воспоминанія генерала.

(Изъ «Русской старины»).

Иванъ Иванычъ фонъ-деръ Флитъ
Женатъ на теткѣ Варенцова. —
Изъ нихъ, который-то убитъ
Въ отрядъ славнаго Слѣпцова;
Иванъ Иванычъ фонъ-деръ-Флитъ
Былъ только раненъ, это знаю,
А Варенцовъ — тотъ былъ убитъ;
Ахъ, нѣтъ, не такъ!... Припоминаю:
Никто изъ нихъ былъ не убитъ
Въ отрядѣ славнаго Слѣпцова:
Ни Варенцовъ, ни фонъ-деръ-Флитъ,
Ни даже тетка Варенцова.
Затѣмъ, исторія молчитъ;
Одно извѣстно: люди эти —
Какъ Варенцовъ, такъ и фонъ-Флитъ —
Совсѣмъ и не были на свѣтѣ,
И даже, кажется, наврядъ
Была-ли тетка Варенцова,
А былъ дѣйствительно отрядъ,
Но только вовсе не Слѣпцова.
Теперь пронесся слухъ таковъ,
Что будто не было отряда,
А былъ поручикъ Пироговъ;
Да былъ-ли? Справиться-бы надо!

С—ъ.

II.

Въ нѣдрахъ бюрократіи.

(Общественной и казенной).

Сверху внизъ.

Директоръ далъ секретарю
За что-то выговоръ исправный:
— «Не ожидалъ, — благодарю»!
Промолвилъ съ миной своенравной.
А тотъ къ помощнику скорѣй:
Его за то-же распекаетъ.
Но, хуже всѣхъ секретарей,
Жизнь мелкой сошки протекаетъ:
Помощникъ — бѣднаго писца
Сейчасъ-же грозно пришпандорилъ.
Тотъ былъ конфузливъ до конца,
Подобострастенъ, и не спорилъ.
Но только онъ пришелъ домой,
То изругалъ жену за что-то...
Обѣдъ не вкусенъ... Боже мой!
Узнать-ли дома идіота?
Онъ деспотъ здѣсь... Ну и женѣ
Кухарка на зубы попалась,
А та, несчастная, вполнѣ,
Къ коту за что-то привязалась
И тумака ему дала.
А котъ, лишь землю ночь одѣла,
Мышей всѣхъ перегрызъ со зла.
Мышамъ всѣхъ плоше было дѣло.
Такъ свыше внизъ идетъ всегда
Отъ генераловъ — къ мышкѣ жалкой.
А кто всѣхъ меньше — тѣмъ бѣда
Быть подъ начальственною палкой.

П-ъ.

Дѣятель.

Весь Невскій залитъ блескомъ...
День солнечный и ясный...
Попался мнѣ на Невскомъ
Знакомый, очень властный.
Кровь съ молокомъ когда-то,
Теперь же отощавшій,
Какъ будто отъ разврата,
Какъ будто пролежавшій
Недѣли три въ постели,
Имѣвшій видъ миноги
И волочащій еле
По тротуару ноги.
—«Да это, полно, ты-ли?
Ты боленъ, или занятъ?
Округлости всѣ сплыли,
Брюшка-то и слѣда нѣтъ»!
—«Среди собраній бурныхъ
Кипитъ у насъ работа
И въ канцелярскихъ урнахъ
«Вопросамъ» нѣтъ и счета.
«Смутился-бы философъ:
«Ко всѣмъ явленьямъ чутки,
«По дюжинѣ вопросовъ
«Мы поднимаемъ въ сутки.
«И неотвязны эти
«Вопросы, точно осы,
«И не легко на свѣтѣ
«Тѣ *поднимать* вопросы».
«Поднявъ ихъ, вы конечно,
«Рѣшаете, мой милый»?
—«Отъ насъ безчеловѣчно
«Ждать этого, помилуй!
«Мечтать неосторожно
«Намъ о такихъ проблемахъ:
«Поднять вопросы — можно,
Но разрѣшать — зачѣмъ? — ихъ»?..

Д. Минаевъ.

Жалоба чиновника.

Человѣкъ я хорошаго нрава —
Право!
Но нельзя-же служить, какъ извѣстно,
Честно.
Я вполнѣ соглашаюсь, что взятки
Гадки;
Но семейство, большое къ тому-же,
Хуже.
Точно: можно ходить и въ веригахъ —
Въ книгахъ...
А чтобъ этакъ-то бѣгать по свѣту —
Нѣту!
Капиталъ да отъ предковъ имѣли!
Всѣ-ли?
И меня вѣдь Господь не обидѣлъ:
Видѣлъ,
Какъ и тѣ, что статейки писали —
Брали.
Такъ за что-жъ распекать-то сверхъ штата
Брата?
Одного вѣдь отца мы на свѣтѣ,
Дѣти!

В. Курочкинъ.

Набросокъ біографіи.

Появляется,
Обучается,
Выпускается,
Назначается,
Производится,
Отличается,
Переводится,
Исключается...

Клас.

Отрѣзанный ломоть.

Молодой человѣкъ и изъ новенькихъ
Въ городокъ нашъ на службу попалъ.
— Здѣсь привыкли мы видѣть здоровенькихъ,
Онъ-же сильно у насъ исхудалъ.
Да еще-бы! Трудится, старается
И покою себѣ не даетъ,
Все волнуется, всѣмъ раздражается
И нашъ городъ отсталымъ зоветъ.

А у насъ вѣдь такъ много хорошаго:
Воздухъ чистъ, тишина, благодать,
И мясное, и рыбное дешево, —
Право, лучшаго трудно желать!
Есть и общество — люди съ значеніемъ, —
Каждый вечеръ у насъ преферансъ,
Женскій полъ съ свѣтскимъ есть обращеніемъ:
Могутъ гостя занять, спѣть романсъ.

Мы сначала на пульку съ любовію,
На закусочку звали его, —
Онъ за карты насъ предалъ злословію,
На закускахъ... не пилъ ничего!
Про дѣвицъ говорилъ, что съ сюжетами
Слишкомъ бѣденъ у нихъ разговоръ, —
Чудаками насъ назвалъ отпѣтыми
И для насъ сталъ чужимъ онъ съ тѣхъ поръ.

Что-жъ, корпи за письмомъ, или чтеніемъ,
Разрушая занятьями плоть,
А для насъ, со своимъ направленіемъ,
Ты отрѣзанный, братецъ, ломоть!

Дядя Пахомъ.

Легенда.

Подъ небомъ знойнымъ африканскимъ,
Гдѣ волны мчитъ широкій Нилъ,
Давно, при добромъ Фараонѣ, —
Пентефрій царедворецъ жилъ.
И власть ему и деньги были —
Богами добрыми даны,
И былъ-бы счастливъ онъ, навѣрно,
Когда-бъ не шалости жены...
На югѣ страсти быстро зрѣютъ:
Красой еврейскаго раба
Жена Пентефрія прельстилась
(Натура женская слаба);
Но убѣжалъ Іосифъ юный
Отъ страстныхъ ласкъ жены младой —
И, какъ извѣстно, за наивность,
Онъ познакомился съ тюрьмой.
Но наше время добрымъ нравомъ
И чистотою не грѣшитъ:
Отъ ласкъ начальника супруги
Чиновникъ юный не бѣжитъ.
Пускай коса ея и зубы —
Съ румянцемъ — на прокатъ взяты, —
Чиновникъ ловкій жарко млѣетъ
Подъ лаской дряхлой красоты...
За то наградою богатой
Его судьба не обойдетъ:
Крестъ за усердье онъ получитъ
И быстро новый чинъ возьметъ!

1882 г.

О. В.

По протекціи.

Не идя путемъ окольнымъ
Не кривя душой хоть разъ,
Трудно жить и быть довольнымъ
Безъ протекціи у насъ.
Въ ней, какъ прежде, силъ избытокъ
Отъ извѣстныхъ, знатныхъ лицъ
До вельможныхъ фаворитокъ,
Дядей, тетокъ и сестрицъ.

Чинъ, мѣста, дѣла, подряды,
Благодарный, легкій трудъ,
И оклады, и награды
По протекціи берутъ.
Путь ея многопобѣденъ
Молвлю я не наугадъ;
Безъ протекціи — я бѣденъ,
По протекціи — богатъ.

Много значитъ съ силой дружба,
Ею славится нашъ край,
По протекціи и служба
На землѣ не адъ, а рай.
Съ нею путь къ довольству близокъ,
Подавай лишъ голосокъ;
Безъ протекціи — я низокъ;
По протекціи — высокъ!

Будь съ энергіей большою
Твердъ ты честью, какъ гранитъ,
Будь ты съ доброю душою
И правдивъ и даровитъ.
Пусть хранитъ тебя Всевышній!
Но средь братьи дѣловой
Безъ протекціи — ты лишній,
По протекціи—ты свой.

Впрочемъ, нынче въ каждой роли
Дѣлъ житейскихъ, такъ сказать,
Можно намъ по доброй волѣ
Какъ угодно поступать.
Можно даже съ людомъ шумнымъ,
Не смущаясь общимъ зломъ,
Безъ протекціи—быть умнымъ,
По протекціи — осломъ!..

Классикъ.

„Петръ Ильичъ".

Врядъ способенъ кто постичь
Эту ловкость и нахальство:
Каждый мѣсяцъ Петръ Ильичъ
Проситъ денегъ у начальства...
У него игривый даръ
Подыскать на то причины:
То болѣзни, то пожаръ,
То родины, то крестины...
Петръ Ильичъ всегда въ кредитъ
Пьетъ и кушаетъ въ буфетѣ
И всѣмъ жалобно твердитъ:
«*У меня жена и дѣти*»...

***

Хоть разуменъ Петръ Ильичъ
И безстрашенъ, какъ Сцевола,
Но слабенекъ, старый хрычъ,
Страхъ, до юбочнаго пола...
Къ дѣвѣ смуглой онъ одной
Страсть горячую питаетъ
И за нею, какъ шальной,
Всюду рыщетъ и летаетъ...
Съ ней онъ денежки соритъ,
И катаясь съ ней въ каретѣ,
Вотъ такъ плуть! *не* говоритъ:
«*У меня жена и дѣти*»...

***

Плачъ коллежскаго регистратора.

При смиреньи своемъ христіанскомъ
Мы ужасной молвой смущены, —
Говорятъ, будто въ мірѣ гражданскомъ,
Упраздняютъ всѣ наши чины...

О, новѣйшей затѣи виновникъ!
Пожалѣй ты отчизны сыновъ!
Ну, какой-же я буду «чиновникъ»,
Если вовсе не будетъ «чиновъ»?

Этотъ слухъ насъ ввергаетъ въ кручину,
Какъ-же будетъ чиновная рать
Поклоняться въ то время чинъ чину
И чинъ чина тогда почитать?

К.

Неутомимый.

Онъ созданъ весь изъ «отношеній» —
Курьезный типикъ чортъ возьми!
Ему-бы больше «донесеній»,
«Увѣдомленій», «предложеній»,
А тамъ хоть хлѣбомъ не корми!
Исполненъ ревностью и жаромъ,
Канцеляризма вѣрный другъ,
Гонясь за личнымъ «формуляромъ»
Онъ циркуляръ за циркуляромъ
Готовъ строчить въ единый духъ.
Онъ въ эмпиреяхъ не витаетъ,
Да не для нихъ и созданъ онъ
И лишь во снѣ (вѣдь, кто-жъ поймаетъ)?
Себѣ онъ видѣть позволяетъ:
Въ отставкѣ... полный пансіонъ.

Доръ.

Печальное недоразумѣніе.

(Баллада).

Сидѣлъ у чинуши въ гостяхъ генералъ
И женкѣ за чаемъ игриво моргалъ.
Чинуша готовъ былъ пуститься въ присядку...
«Желаете, ваше —ство, чаю въ накладку»?
Раздался почтительный голосъ жены.
И вдругъ его-ство сталъ страшнѣй сатаны...
«Н—насмѣшки»!? сказалъ онъ, вставая багровый,
И вышелъ, трясясь, изъ убогой столовой.
Ни мужъ, ни жена, не понявъ старика,
Стояли столбами, лишась языка...
А вся-же въ *накладкѣ* таилась причина:
Начальника ей щеголяла плѣшина!

Л. К. Ломанчскій.

Бюрократическій портретикъ.

Въ очкахъ — подобострастіе,
Въ рѣчахъ — ко всѣмъ участіе,
Въ лицѣ—пріятность скромная,
Въ улыбкѣ — сладость томная.
Въ спинѣ — его привычная
Вся гибкость эластичная,
Въ манерахъ — лоскъ и сдержанность,
Къ начальнику — приверженность
Въ душѣ — просторъ влеченію
Къ чинамъ и назначенію,
На лбу какъ будто умная,—
Забота многодумная,
А въ головѣ — отсутствіе
Разумнаго присутствія.

Досуги канцеляриста.

(Образцы поэтическихъ произведенiй).

Ода.

О, ты, который, какъ Зевесъ,
Сидишь одинъ, въ кругу подвластныхъ,
Имѣя множество метрессъ
И обольстительныхъ и страстныхъ...
О, ты, который нынѣ есть
«Превосходительство» по чину,
Тебя просить имѣю честь,
Передъ тобой сгибаю спину...
Молю тебя, даруй мнѣ рай, —
Мнѣ къ Рождеству награду дай!

Элегiя.

Скука! Я кончилъ писать отношенье,
Держитъ перо инстинктивно рука...
Бѣдную душу тревожитъ сомнѣнье,
Сердце больное смущаетъ тоска...
Скучно живется намъ всѣмъ въ этомъ мiрѣ;
«Дѣло» окончено, трудъ довершенъ...
Два съ половиной часа, а въ четыре
Намъ разойтись дозволяетъ законъ.

М. Топтыгинъ.

Строгая мѣра.

(Вопль озябшаго чиновника).

Мы раздружились вовсе съ жаромъ,
И знаемъ холодъ лишь, да тьму...
Гдѣ-жъ солнце? Строгимъ циркуляромъ
Внушенье нужно-бъ дать ему!
Пустивъ намекъ, что съ ихнимъ братомъ
Отнюдь не шутятъ, не шалятъ:
Оставятъ тотчасъ же за штатомъ
Иль безъ прошенья удалятъ!!

А. Грузинскiй.

Вѣсти и слухи.

(Несообразная фантазія подгулявшаго столоначальника).

Департаментъ «Прерѣканій»,
Какъ излишній, упраздненъ,
А взамѣнъ его рожденъ
Департаментъ «Придираній».

***

Новымъ циркуляромъ
Велѣно вмѣнить:
Деньги брать не даромъ —
Даромъ не служить

***

Въ «Управленьи пестрыхъ дѣлъ»,
Ради облегченія,
Утвержденъ еще отдѣлъ:
«Недоразумѣнія».

***

Чтобъ просвѣщенье тьму незнанья
Могло успѣшнѣй озарить,
Въ Глупянскѣ вышло предписанье:
Изъ двухъ училищъ — три закрыть.

М. П. Поповъ.

Чиновникъ-гражданинъ.

Дѣла желаютъ? ну, что-жъ, я готовъ
Вѣдать труды и дѣла:
Дайте мнѣ быстрыхъ четкихъ писцовъ,
Я-ль не начальникъ стола?

***

Толка и смысла желаютъ? всегда
Буду я этому радъ:
Я вѣдь за каждую каплю-труда
Должный стяжаю окладъ.

***

Пользы общественной нужно? Я другъ
Всякимъ полезнымъ трудамъ:
Вѣрю я твердо, за массу заслугъ
Буду директоромъ самъ.

***

Нуженъ гражданскій, какъ слышалъ я, пылъ?
Что-жъ, мы и это найдемъ:
Только-бы орденъ на грудь получилъ —
Весь запылаю огнемъ!

1887 г.

Л. Медвѣдевъ.

Небесный сводъ.

(Ода чиновника).

Лоно неба голубого,
Грудь небесной высоты
Изукрасили обильно
Звѣзды, пряжки, и кресты.
Это все — ему награда
За пользительность трудовъ
Безпорочнаго служенья
Въ колоссальный срокъ вѣковъ.
Ни одинъ совѣтникъ тайный,
Ни единый генералъ
Столь значительныхъ отличій
Никогда не получалъ.
Какъ предѣлъ его заслугамъ
Чина мы не подберемъ...
Развѣ ужъ — «изъ тайныхъ тайный
И дѣйствительный притомъ»...

Михайло Топтыгинъ.

Чижикъ.

На грошъ не вѣрятъ въ лавкѣ,
Начальникъ строгъ и лютъ,
И мнѣ, увы! прибавки
За службу не даютъ;
Отъ службы хуже кія
Изсохъ я,—ну, хоть брось!
А между тѣмъ другіе,
Все лѣзутъ врозь, да врозь...

Болтаютъ, что начальникъ,
Не прочь, подчасъ, того...
На дняхъ, вотъ, умывальникъ
Онъ взялъ у одного,
А у другого дрожки
Взялъ нынче по веснѣ...
По этой вотъ дорожкѣ
Пройтись бы надо мнѣ...

Охъ! смертная охота,
Да участь то горька:
Вѣдь изъ вещей всего-то,
Въ коморкѣ бѣдняка,
Лишь пара ветхихъ книжекъ,
Гитара да пенсъ-нэ,
Да мой пріятель-чижикъ,
Висящій на окнѣ.

Постой, постой!... Вотъ штука!...
Я вскликнулъ въ тотъ моментъ:
— Начальнику снесу-ка
Я чижика въ презентъ;
Признаться тяжело мнѣ
Разстаться было съ нимъ:
Онъ другомъ былъ въ Коломнѣ
Единственнымъ моимъ!

Ахъ, снявъ съ окошка клѣтку,
Отъ горести дрожа,
И завернувъ въ салфетку
И клѣтку и чижа,
Разстроенъ, съ мутнымъ взглядомъ,
Крѣпясь отъ горькихъ слезъ,
Къ начальнику я на домъ
Чиликалку понесъ.

Увидѣвши, что ношей
Я былъ обремененъ,
Начальникъ мой хорошій
Прислугу выгналъ вонъ;
И сталъ со мной, — о, диво! —
Любезенъ, не въ примѣръ,
И вопросилъ учтиво:
«Что это — нессесеръ»?

Нѣтъ-съ, говорю я клѣтка;
А въ клѣткѣ чижикъ...
— «Что-съ»?
Сказалъ начальникъ ѣдко,
Задравши кверху нссъ: —
«Вы думали, что взяткой
«Прельщусь я»! крикнулъ онъ,
«Ахъ, вы, мальчишка гадкій!...
«Извольте выйти вонъ»!...

И право, ужъ не помню,
Какъ въ милые края,
Въ любезную Коломну
Съ чижомъ вернулся я.
Поступокъ неумѣстный
Надежды всѣ пресѣкъ,
И доказалъ, что *честный* —
Начальникъ — человѣкъ.

Г. Н. Жулевъ.

Сорвалось и тутъ.

(Истинное происшествіе).

Жилъ я скромно, жилъ я смирно,
Но не шла мнѣ служба въ прокъ;
Наше вѣдомство — обширно,
Нашъ начальникъ старъ и строгъ.

Разъ пятнадцать, безъ нахальства,
По законному пути
Собирался я къ начальству
За пособіемъ идти.

Но друзья мои пугали:
«Не ходи по пустякамъ,
«Тамъ женатымъ помогали,
«А не намъ холостякамъ»...

Сталъ не въ силахъ, какъ не бился,
Бѣдность жизни выносить,
У начальника рѣшился
Я пособія просить.

Я пришелъ къ нему убитымъ,
Я стоялъ полуживой:
Вышелъ онъ ко мнѣ сердитымъ
Съ наклоненной головой.

Я ужъ мнилъ себя пропащимъ,
Но, проливши слезъ струю,
Робко голосомъ дрожащимъ,
Просьбу высказалъ свою.

Сдѣлавъ мнѣ вопросовъ много,
Важно, гордо какъ магнатъ,
— Вы женатъ? спросилъ онъ строго.
Говорю ему «женатъ»!

— «Гм! Женатъ... Домой идите,
«И съ письмомъ ко мнѣ жену
«Завтра вечеромъ пришлите
«За пособіемъ... одну»...

Предъ начальствомъ ложью смѣлой,
Давъ отвѣтъ сей на вопросъ,
Съ головою обалдѣлой
Шелъ домой, повѣся носъ.

Боже, Боже, какъ отвѣчу?
Что меня за это ждетъ?
Что мнѣ дѣлать?.. Вдругъ навстрѣчу
Кротко милая идетъ.

Бюстъ роскошный, ростъ высокій,
И блестнулъ огня ярчѣй
На меня разрѣзъ широкій
Чернобархатныхъ очей.

О, счастливая идея!
Пусть въ карманѣ — четвертакъ.
Подхожу къ ней пламенѣя,
Говорю я: такъ и такъ...

Разсказалъ я ей въ чемъ дѣло,
Согласилась, — поняла,
И съ письмомъ къ начальству смѣло
За пособіемъ пошла.

Ждалъ ее я трое сутокъ,
Ждалъ недѣлю, мѣсяцъ ждалъ,
И случись — безъ всякихъ шутокъ —
Неописанный скандалъ.

Взявъ послѣднія копѣйки,
Обманула егоза,
До сихъ поръ моей злодѣйки
Не видалъ я и въ глаза.

А. Ивановъ.

Въ Новый годъ.

Въ доходящей еле-еле
        До колѣнъ шинели,
Подчиненный пѣхтурою,
        Утренней порою,
Росписаться мчится въ игѣ
        У Мамая въ книгѣ.
Занятъ, страхъ, служебной бредней:
        Первымъ быть въ передней;
Взялся онъ рукой дрожащей
        За звонокъ блестящій.
И отвѣсилъ предъ швейцаромъ
        Два поклона съ жаромъ.
Робкимъ шагомъ страха полонъ,
        Къ книгѣ подошелъ онъ:
Ужасъ! ужъ фамилій двѣсти!
        Замеръ онъ на мѣстѣ...
И бѣлѣй бумаги писчей,
        Подчиненный—нищій,
Вонъ поплелся изъ передней
        Съ воплемъ:—«Я послѣдній»!
Веселился шумный городъ...
        Приподнявши воротъ,
Смотритъ бѣдный горемыка
        На веселье дико,
И не видитъ за слезами,
        Онъ, какъ рысаками
Франты давятъ, для эффекта,
        Пѣшихъ вдоль проспекта.

Скорбный поэтъ.

Докладъ.

— Я прихожу вторично къ вамъ,
Для васъ я всѣмъ готовъ служить:
Нельзя-ль ходатайство мое
Собранью завтра доложить?..

— Ахъ, вѣрьте чести, что нельзя;
Служить бы самъ я вамъ хотѣлъ,
Но вы поймите, что у насъ
Очередныхъ такъ много дѣлъ!

— Я вѣрю вамъ, и вновь прошу,
Внемлите просьбѣ вы моей,
(Я доложу вамъ двадцать пять,
Чтобъ было ровно сто рублей)!

— О если такъ, то дѣло мы
Переведемъ на новый ладъ,—
Ступайте съ Богомъ, я о васъ
Представлю завтра-же докладъ!

И.

Осторожный чиновникъ на дачѣ.

Небо хмуро и печально,
Хлещетъ дождикъ проливной;
Двѣ вороны либерально
Раскричались надъ трубой.
Подозрительно мнѣ что-то
Ваше карканье, ей-ей!—
Въ немъ сомнительная нота:
Нѣтъ-ли новыхъ въ ней идей?
Прочь съ опасными рѣчами!..
Прочь... подальше... къ сторонѣ!
Пшш! Ну, васъ къ Богу!.. Какъ бы съ вами
Не нажить бѣды и мнѣ!

Л. П.

Объясненіе чиновника.

— Милый другъ, я понимаю
Самъ, безъ всякихъ «донесеній»,
Что имѣла раньше много
Ты подобныхъ «отношеній».

***

Потому-то хладнокровно
Я приму безъ междометій,
Если ты мнѣ дашь помѣтку
«Дѣло № 23-й».

***

А когда покончишь «дѣло», —
Съ миной самою наивной
Ты напишешь «исходящій»
И отдашь въ подвалъ архивный.

Лель.

Испугъ бюрократа.

(На конкѣ).

Какой-то членъ, какой-то «кассы»
По «конкѣ» какъ-то проѣзжалъ.
Легко везли его пегасы,
А онъ подъ говоръ задремалъ.
Не снилось никакого лиха,
Ему мечтался сладкій вздоръ,
Какъ вдругъ въ вагонѣ кто-то тихо
Промолвилъ слово: «ревизоръ».
Проснулся онъ и въ изумленьи
На всѣхъ отчаянно глядитъ
Онъ и блѣднѣетъ и дрожитъ,
И, въ неописанномъ волненьи,
Не знаетъ, что и предпринять:
Сидѣть-ли смирно, иль бѣжать?..

Нѣкто.

Горячій человѣкъ.

— Фу, какой горячка! Ужъ не дастъ потачки
Никому герой мой, ни слугѣ, ни прачкѣ,
Ни женѣ, ни дѣтямъ — если въ разговорахъ
Встрѣтитъ фальшъ какую—вспыхнетъ, точно порохъ!
Пыль столбомъ подниметъ!.. ибо чистъ душою:
Подлость, лесть противны моему герою.
Впрочемъ поднимаетъ дымъ-то коромысломъ
Онъ лишь тамъ, гдѣ можно и всегда со смысломъ
Если пофальшивитъ добродушный фофанъ,:
Тутъ герой мой страшенъ, на ножи готовъ онъ...
Налетитъ на жертву, точно хищный воронъ...
Если-жъ позубастѣй кто, то вѣдь хитеръ онъ:
Притворится мертвымъ и не слышитъ будто...
Носъ уткнетъ въ газету и молчитъ... (вотъ плутъ-то)!
Мой герой отмѣнно ревностный служака,
Не видалъ ни разу я на немъ пиджака,
Сюртука, иль фрака, — вѣчно въ вицъ-мундирѣ:
И въ гостяхъ, и дома, даже и въ трактирѣ...
Какъ-то разъ, «начальство» чрезвычайно мило
Надъ моимъ героемъ, утромъ, пошутило:
«Говорятъ, вчера вы были въ маскарадѣ,
«Въ черной полумаскѣ и въ цвѣтномъ нарядѣ,
«Правда-ли»? Герой мой понялъ эту шутку,
Но схитрилъ отлично. Помолчавъ съ минутку, —
Задрожалъ всѣмъ тѣломъ и сказалъ со злобой:
— Хоть я червь предъ вами, предъ такой особой,
Хоть вы мой начальникъ, коего до смерти
Я люблю за геній, за талантъ, — но вѣрьте,
Что шутить съ собою, такъ вамъ не позволю! —
(Вынулъ тутъ платокъ онъ и слезамъ далъ волю).
«Вижу, рекъ начальникъ, улыбаясь сладко,
«Что съ тобой, мой милый, пошутилъ я гадко!..
«Ну-ну-ну! — *горячка!..* миръ! Давай-ка руку»!..
(Ловкую, разбойникъ, выкинулъ онъ штуку)!

А на дняхъ, герой мой, до того взбѣсился,
Просто изъ окошка выпрыгнуть рѣшился:
— Выпрыгну, пустите! — онъ кричалъ сердито...
(Сажень это восемь было до земли-то)!
Ну да удержали... Жаль! А хорошо-бы
Посмотрѣть на пятки этакой особы!

Г. Н. Жулевъ.

Самодѣятель.

Чтобъ съ практичной пользою
Шлю мое служеніе —
Я питалъ предъ старшими
«Самоуваженіе»...

Какъ чиновникъ преданный,
Ласкъ и лести сѣятель,
Съ новымъ назначеніемъ
Сталъ я «самодѣятель».

Испытавъ на опытѣ
Злой нужды страданія,
Научился я жаждою
«Самообладанія».

Ненадежнымъ юношамъ
Дамъ я увольненіе,
Движимый инстинктами
«Самосохраненія».

Подкрѣпляя взятками
Шаткость положенія,
Совершалъ я подвиги
«Самоотверженія»...

И наживши въ скорости
Капиталъ и зданія,
Убѣжденъ я въ принципѣ
«Самооправданія»...

1877 г. *Ив. К—къ.*

Исповѣдь чиновника.

Есть минуты, когда я невольно
Отношуся ко всѣмъ сердобольно
И готовъ былъ-бы міръ весь обнять...
Когда мнится, что нѣтъ идіотовъ,
Когда даже и искаріотовъ
Я дѣянья могу оправдать...
Когда все мнѣ въ природѣ прекрасно,
Не мутятъ меня думы напрасно,
Когда жизнь ни горька, ни кисла...
Такъ настроенъ всегда благодатно
Ежемѣсячно и аккуратно
Лишь двадцатаго только числа!
Но за то — двадцать перваго вѣчно
Отношусь я ко всѣмъ безсердечно,
Все окрашено въ черный мнѣ цвѣтъ:
Мнится, будто напрасны надежды,
Мнится, будто всесильны невѣжды,
Что на свѣтѣ померкъ уже свѣтъ!
Что напрасно тщеславіемъ полны,
Мы летимъ въ Европейскія волны
На челнѣ безъ руля и весла,
Что все скверно, все гнило, все дурно...
И вотъ такъ-то я мню нецензурно
До двадцатаго снова числа.

Юша.

Есть счастье на землѣ!

(Монологъ чиновника).

Не говори, что счастья нѣту!
Возьми, я дамъ тебѣ газету;
Ты не читай хотя ее,
Возьми лишь списки о наградахъ
И просвѣтлѣй скорѣй во взглядахъ, —
Ну, не счастливцы-ль это все!

Григ. Новорожденный.

Портретикъ.

Всѣ его считаютъ *краснымъ,*
Ярымъ радикаломъ;
Чтобъ остаться вѣрнымъ кличкѣ
Сталъ онъ генераломъ.

***

Если онъ теперь не точитъ
Либерально лясы,
То открыто гордо носитъ
Красные лампасы...

Вологжанинъ.

Просители.

Вошли съ параднаго крыльца,
Къ вельможѣ, въ пышные чертоги,
Какихъ-то важныхъ три лица
И ждутъ его не безъ тревоги.
Вошелъ. Имъ общій всѣмъ поклонъ,
Ему—три низкіе поклона,
И говоритъ, повысивъ тонъ,
Пришедшимъ знатная персона:
—Васъ—вы умѣли такъ служить,
Что ужъ украшены звѣздами—
Начальство хочетъ наградить
Весьма почетными мѣстами...
Вамъ—какъ министръ предположилъ,
Штатсъ-президентомъ быть возможно...
—«Но я бы, ваше-ство, просилъ
Меня устроить при таможнѣ»...
—Васъ— графъ о томъ мнѣ говорилъ —
Зачислятъ гöсъ-штыкъ-консультантомъ...
— «Но я бы ваше-ство, просилъ
Меня назначить интендантомъ»...
—А вы,—какъ князь предположилъ —
Должны быть графъ-штабъ-командиромъ...
—«Но я бы, ваше-ство, просилъ
Опредѣлить меня кассиромъ»...

Нѣкто.

Чиновникъ и курица.

Чиновникъ толстенькій, не очень молодой,
По улицѣ, съ бумагами подъ мышкой,
Потѣя и пыхтя, и мучимый одышкой,
Бѣжалъ рысцой.
На встрѣчныхъ онъ глядѣлъ заботливо
и странно,
Хотя не видѣлъ никого;
И колыхалася на шеѣ у него,
Какъ маятникъ, съ короной Анна.
На службу онъ спѣшилъ, твердя себѣ:
«Бѣги,
Скорѣй бѣги, ты знаешь,
Что экзекуторъ нашъ, съ той и другой
ноги,
Твои въ чуланъ упрячетъ сапоги,
Коль ты хотя немножко опоздаешь»!
Онъ все бѣжалъ. Но вотъ,
Вдругъ слышитъ голосъ изъ воротъ:
«Чиновникъ окажи мнѣ дружбу:
«Скажи куда несешся ты»? «На
службу»!—
«Зачѣмъ не слѣдуешь примѣру моему?
«Сидѣть въ спокойствіи? признайся на
послѣдокъ»!—
Чиновникъ, курицу узрѣвши, этакъ
Сидящую въ лукошкѣ, какъ въ дому,
Ей отвѣчалъ:—«Тебя увидя,
Завидовать тебѣ не стану я никакъ;
Несусь я, точно такъ,
Но двигаюсь впередъ; а ты *„несешься“*
сидя».—

Разумный человѣкъ, коль басню сію
прочтетъ,
То вѣрно и мораль изъ оной извлечетъ.

Кузьма Прутковъ.

Странный человѣкъ.

(Удивленіе чинуши).

Вы передъ сильнымъ не дрожите?
Бѣдняковъ не обирали?
Съ богачами не дружите?
Даже взятокъ вы не брали?
Вы не ссоритесь съ врагами?
Не хотите быть богаты?
Не снабжали лбовъ рогами?
Сами не были рогаты?
Не стремитесь быть въ почетѣ?
Не имѣете медали?
Ребятишекъ не сѣчете?
Чина къ празднику не ждали?
Не желали сокровенно
Хлѣбныхъ, тепленькихъ мѣстечекъ?
Ну, скажу вамъ откровенно,
Вы, — престранный человѣчекъ!

А. Ож — въ.

Элегія чиновника,

вышедшаго въ отставку безъ полученія звѣзды.

Ты мнѣ была реальною мечтою!
Съ другой мечтой я къ небу не летѣлъ —
И не слѣдилъ за падшею звѣздою,
А больше все на фрачную глядѣлъ.

Теперь, хоть сердце плачется ревниво,
Я принужденъ ему отставку дать,
А самъ пойду на полку въ шкафъ архива
И подъ казенную печать.

— Нъ.

Два изліянія.

I. Адресъ начальнику, получившему отставку.

Мы васъ цѣнили и любили,
Считали первымъ образцомъ,
Вы не начальникомъ намъ были,
А добрымъ, истиннымъ отцомъ!
Но вотъ, увы! настало время...
Не знаемъ мы, чѣмъ скорбь пресѣчь:
Своихъ трудовъ большое бремя
Сложили вы съ широкихъ плечъ.
Отъ васъ лѣтъ двадцать дожидались
Добра и пользы съ каждымъ днемъ,
Но вы ушли и мы остались
При ожиданіи своемъ.
Вы были мудрою основой,
Дай Богъ, чтобъ вашъ преемникъ новый
Былъ всѣмъ полезенъ какъ и вы.
Прощаясь съ вами, жмемъ мы руки,
Однимъ признаніемъ горимъ,
И за разлуку въ часъ разлуки
Благодаримъ... благодаримъ!

II. Привѣтствіе новому начальнику.

Мы всѣ встрѣчаемъ васъ сердечно,
Привѣтъ нашъ искрененъ и простъ,
О, будьте вы начальникъ вѣчно,
Займите свой завидный постъ.
Вы точно солнце къ намъ явились,
Мы вамъ безъ лести говоримъ,
Въ насъ силы къ дѣлу обновились
И духъ воскресъ, благодаримъ!
Да разовьетъ въ васъ духъ отваги
Трудовъ предшественника цвѣтъ:
Покрытый пылью складъ бумаги
Проектовъ брошенныхъ и смѣтъ.

Съ любовью искренней и ярой
Желаемъ дѣлать вамъ всегда
Все то, чего начальникъ старый
У насъ не дѣлалъ никогда.
Желаемъ также, съ этимъ вмѣстѣ
Творя почтительный поклонъ,
Того не дѣлать, что на мѣстѣ
Въ дни долгой службы дѣлалъ онъ!...

Классикъ.

Храбрецъ.

«Я — не трусливъ, промолвилъ бюрократъ.
Могу я жить безъ горя и лишенiй,
Не страшенъ мнѣ съ начальникомъ разладъ
Какъ не страшна отставка безъ прошенiй;
Я никогда, какъ истинный герой,
Не побоюсь враговъ неотразимыхъ,
Лишь нѣкiй страхъ внушаетъ мнѣ порой...
Окружный судъ съ скамьею подсудимыхъ».

Клас.

На похоронахъ.

Вижу: кузина реветъ, заливается,
Нюни такiя — бѣда!
«Полно, кузина, чего убиваешься,
«Вспомни, вѣдь ты — молода,
«Онъ-же старенекъ былъ, даже порядочно
«Былъ уже старъ для тебя»!
— Въ томъ-то и дѣло! Еще-бы полгодика
И — генеральша-бы я!

С. Ю.

Спартанецъ.

Онъ чиномъ чуть не генералъ,
И дѣло понимаетъ,
Громчѣе всѣхъ, какъ либералъ,
Въ собраньяхъ разсуждаетъ,
Но, если кто изъ мелкихъ лицъ
Заявитъ взглядъ свой гласно,
Тому тотчасъ онъ крикнетъ: «цыцъ»!
И коротко и ясно!

И.-К.

Канцелярскій двойственникъ.

Считаясь въ классѣ удальцомъ,
Онъ мальчикъ былъ довольно стойкій
И вѣчно въ «балльникѣ» своемъ
Носилъ къ папашѣ только *двойки.*

По службѣ счастья онъ не зналъ,
Жизнь горькой сдѣлалась микстурой,—
И онъ, въ борьбѣ съ судьбою, сталъ
Довольно двойственной натурой.

А. Г-кій.

Стихотвореніе въ альбомъ.

(Написанное чиновнкомъ).

Когда меня ты обоймешь,
И у меня на шеѣ виснешь,—
Меня тогда кидаетъ въ дрожь,
Закусишь губы, руки стиснешь
И мыслишь, голову склоня,
И на тебя смотря несмѣло:
Когда-бъ на шеѣ у меня,
Взамѣнъ тебя... медаль висѣла!..

Р. М-чъ.

Ничего не подѣлаешь.

Прекраснѣйшій я человѣкъ,
Врагъ подлыхъ ужимокъ, улыбокъ,
Хотя... ну, да кто-же въ нашъ вѣкъ
Не дѣлалъ порою ошибокъ?
Да, спину сгибалъ я и самъ...
Нельзя-же, вѣдь вышло-бъ нахальство...
Какое-бы ни было тамъ,
А все-же... начальство, начальство.

Жулевъ.

Изъ наблюденій стараго бюрократа.

Если тощъ генералъ и высокъ, какъ верста,
И наклоненъ, къ тому-жъ, къ геморрою,
Значитъ, строгъ онъ, какъ мечъ, берегись мелкота:
Онъ шутить не намѣренъ съ тобою.

* * *

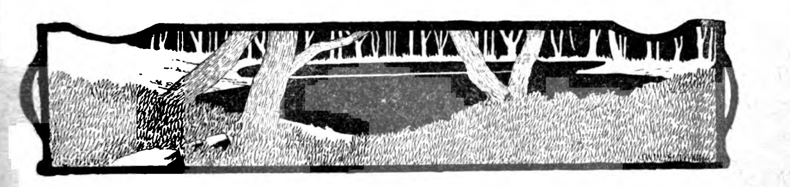
Если толстъ генералъ, не высокъ и съ брюшкомъ,
Обладаетъ къ тому-жъ аппетитомъ, —
Мелкота, не страшись: есть ручательство въ томъ,
Что едва-ли онъ будетъ сердитымъ.

* * *

Если толстъ и высокъ, или тонокъ и малъ —
Тутъ характеръ особаго рода,
Надо выждать моментъ, ибо сей генералъ
Перемѣнчивъ всегда, какъ погода...

Л. Медвѣдевъ.

1887.

III.

Карьеристы.

Будущій карьеристъ.

Воспитанъ въ высокомъ я свѣтѣ, —
Приличій постигъ этикетъ:
У важныхъ людей на примѣтѣ,
Во мнѣ буржуазности нѣтъ.
Я знаю кому поклониться,
Кому «мой любезный» сказать;
Предъ кѣмъ всепокорно смириться,
Предъ кѣмъ раболѣпно молчать.
Кому собаченку погладить,
Иль дѣтямъ конфектъ принести;
Въ картишки съ кѣмъ можно поладить,
Иль просто интрижку свести.
Кому заплатить по роспискѣ,
Кому и совсѣмъ не платить;
Сойтись съ кѣмъ возможно не близко,
Съ кѣмъ другомъ полезно побыть.
Карьеру я сдѣлаю, знаю,
И въ люди высоко пойду;
Лишь только теперь дожидаю,
Когда... я невѣсту найду!

Д. Т.

Дурачекъ.

Эко рыло, эко рыло —
Какъ все оспою изрыло!
Дать-бы въ носъ ему щелчекъ,
Ну, да жалко, вѣдь, Кирило,
Свѣтъ, Иванычъ — дурачекъ!

Дурачекъ все это слышитъ,
Но молчитъ, почти не дышитъ,
И сомкнувшись въ три дуги,
Знай себѣ рапорты пишетъ;
Дескать: лайтеся, враги!

Да, пускай себѣ смѣются,
Посмѣются и уймутся,
Вѣдь не злоба тутъ, а блажь...
Вотъ какъ въ праздники пропьются —
Въ долгъ попросятъ у меня-жъ!..

Хоть, положимъ, голова-то
У меня и пустовата,
Но не такъ, друзья, я простъ:
Ради вашего разврата
Я пускаю деньги въ ростъ!..

Разъ ему начальникъ въ залѣ
Рекъ надменно: «Мнѣ сказали,
«Будто вы мою... куму...
«Страхъ, собой очаровали...
«Что-жъ я радъ весьма тому...

«Хоть глупеньки вы, признаться,
«Но съ ней бракомъ сочетаться
«Позволяю наконецъ»!
Онъ отвѣтилъ: радъ стараться!
И поѣхалъ подъ вѣнецъ.

Сослуживцы двѣ недѣли
Хохотали: «Экъ, поддѣли
«Простофилю на крючекъ»!
Смѣйтесь, смѣйтесь, — а на дѣлѣ
Самъ смѣется дурачекъ.

Нѣтъ, друзья, я не мальчишка,
Вѣдь хватило-же умишка
За кумою этой взять
Въ три этажика домишко
Да деньжонокъ тысячъ пять!....

Вы смѣетеся отъ злости, —
Хохотъ вашъ вы лучше бросьте...
Не большая, вѣдь, бѣда,
Если къ намъ начальникъ въ гости
Заѣзжаетъ иногда.

Вотъ еще къ супругѣ часто
Ѣздитъ купчикъ; тысячъ на сто
Брилліантовъ, этотъ крезъ,
Надарилъ намъ, — вотъ завязъ-то
Въ сѣть любовную, балбесъ!..

Ѣзди, купчикъ, мой дружечекъ,
Траться больше, — чрезъ годочекъ,
Я тебя въ трубу пущу!..
А тебя, мой куманечекъ,
Я доносцемъ угощу!

Дурачекъ нашъ по немногу,
Куманьку подставилъ ногу.
Кумъ-начальникъ — подъ судомъ...
Купчикъ отдалъ душу Богу,
Промотавши отчій домъ...

Дурачекъ, страхъ, огорчился,
Что̀ такихъ людей лишился, —
Но хихикаетъ тайкомъ,
Что не умнымъ онъ родился,
А смышленымъ дурачкомъ!

Г. Н. Жулевъ.

Тоже самородокъ.

Онъ нечаянно гдѣ-то родился,
Самоучкой всему научился,
Онъ начальствомъ умѣлъ дорожить
И начальству примѣрно служить.
И служа чрезъ какія-то связи,
Незамѣтно онъ выползъ изъ грязи,
И потомъ «своимъ личнымъ трудомъ»,
Пріобрѣлъ онъ сто тысячный домъ.
О заботахъ людскихъ онъ не грезитъ,
За отвѣтомъ въ карманъ не полѣзетъ,
И великій талантъ ему данъ —
Залѣзать въ посторонній карманъ!

И.

Дѣтскія мечты.

Когда я былъ разсудкомъ малъ
Какой-то голосъ мнѣ шепталъ,
Что я найду свой идеалъ,
Себѣ составлю капиталъ —
И буду полный генералъ.
Такъ я мечталъ.

***

Вслѣдъ за любимою мечтой
Пошелъ я твердою стопой;
Сошелся съ дѣвой неземной,
Вѣнецъ держали надо мной —
И подъ башмакъ меня прибралъ
Мой идеалъ.

***

На ловлѣ почестей, чиновъ
Я всѣмъ былъ жертвовать готовъ,
Сошелся съ «милыми» тузовъ,
Собралъ стяжанія годовъ
И все далъ въ займы, и пропалъ
Мой капиталъ.

***

Но въ люди вывели меня!
И обнищавъ, судьбу кляня,
Когда въ крови ужъ нѣтъ огня,
Спокойнаго съ женою дня,
Когда я вновь разсудкомъ малъ —
Я генералъ!

В. Курочкинъ.

Чего тебѣ больше желать?

Ты весь въ орденахъ и медаляхъ
Съ тобою знакома вся знать;
При этомъ еще милліоны...
Чего тебѣ больше желать?

***

Въ богатыхъ роскошныхъ салонахъ —
Вездѣ тебя рады встрѣчать...
Владѣлецъ богатыхъ концессій!..
Чего тебѣ больше желать?

***

Умѣлъ ты пожертвовать кстати,
Съумѣлъ *генерала* достать...
Дѣйствительный статскій совѣтникъ!
Чего тебѣ больше желать?

О.

Двѣ поры.

Былъ ты молодъ. У бесѣдки
Сидя съ Тоней милой,
О любви ты пѣлъ кокеткѣ
Съ чувствомъ, съ толкомъ, съ силой.
Звѣзды на небѣ сіяли
Весело, красиво, —
И въ восторгѣ вы шептали:
Звѣзды — это диво!
Нынѣ старъ ты. Въ генералы
Ужъ попалъ давно ты, —
На любовные скандалы
Больше нѣтъ охоты.
Дѣло зная, вверхъ шагаешь
Ты по службѣ живо,
И въ восторгѣ повторяешь:
Звѣзды — это диво!

Маркяронъ.

Старайся!

Когда захочешь перестать
Безъ дѣла жить и бить баклуши, —
Превосходительныя уши
Старайся лестью занимать.
    Старайся спину сдѣлать гибкой,
    Чтобъ отыскать къ карьерѣ дверь, —
    И будешь жалуемъ — повѣрь! —
    Превосходительной улыбкой.
Старайся дѣлать, поступать
Тактично, тонко, остроумно,
Чтобъ было и тебя возможно
Превосходительнымъ назвать.
    Судьбой крупнѣй даются куши!..
    Достигнешь, — разсыпай кругомъ
    Превосходительнѣйшій громъ
    И лесть ужъ самъ пріемли въ уши...

Ѳ. М.

Перемѣна убѣжденій.

(Изъ признаній ренегата).

О гласности болѣя и тоскуя
    Почти пять лѣтъ,
Съ прискорбіемъ ея не нахожу я
    Въ столбцахъ газетъ;
Не нахожу въ полемикѣ журнальной,
    Хоть предо мной
И обличенъ въ печати Н. квартальный,
    М. становой.
Я гласности, я гласности желаю,
    Въ столбцахъ газетъ, —
Но формулы, какъ въ алгебрѣ встрѣчаю:
    Иксъ, Игрекъ, Зетъ.

***

Такъ думалъ я назадъ полгода
(Пожалуй, годъ),
Но ужъ во мнѣ свершила мать природа
Переворотъ.
Десятокъ фразъ, печатныхъ и словесныхъ,
Пустивъ умно,
Объ истинахъ забытыхъ, но извѣстныхъ
Давнымъ давно,
Я въ обществѣ надѣлалъ шуму, крику
И вотъ — за нихъ,
Увѣнчанный, причисленъ къ лику
Передовыхъ.
Ужъ я теперь не обличитель праздный!
Ужъ для меня
Открылась жизнь и всѣ ея соблазны
И нѣту дня,
Отбою нѣтъ отъ лестныхъ приглашеній
Какъ ленъ, какъ шелкъ,
Я мягокъ, добръ, но чувствую, что — геній!
А геній — долгъ.
И голосъ мой звучитъ по свѣтлымъ заламъ:
«Добро — законъ»!
И падаетъ въ бесѣдѣ съ генераломъ
На полутонъ.

***

Я говорю, что предразсудки стары —
Исчадья лжи, —
И чувствую, какъ хороши омары
Когда свѣжи.
Я познаю топча ковры гостиныхъ,
Вкусъ старыхъ винъ
И цѣну ихъ — друзей добра старинныхъ
Враговъ рутинъ.
Я слушалъ ихъ порокъ, громившихъ смѣло,
И понялъ вдругъ,
Гдѣ слово — мысль, предшественница дѣла,
Гдѣ слово — звукъ.

***

Но пробилъ часъ — и образъ исполинскій,
Мой идеалъ,
Какъ истину когда-то Баратынскій
Я увидалъ.
Въ глухую ночь она ко мнѣ явилась
Въ сіяньи дня
И кровь во мнѣ съ двухъ словъ остановилась:
— «Ты звалъ меня»!
«Ты звалъ меня» — вонзилось въ грудь,
какъ жало,
И въ тотъ же мигъ
Я въ ужасѣ набросилъ покрывало
На свѣтлый ликъ.

***

Почудилось невѣдомое что-то;
Какой то врагъ
Изъ всѣхъ рѣчей, изъ каждаго отчета,
Изъ всѣхъ бумагъ,
Меня дразнилъ и какъ металлъ звенящій, —
Какъ трубный звукъ,
Нестройный хоръ, *о гласности болящей*,
Терзалъ мой звукъ.
Я полетѣлъ со стула вверхъ ногами,
Внизъ головой,
И завопилъ, ударясь въ полъ руками:
— «Нѣтъ я не твой»!

В. Курочкинъ.

Благонадежные зародыши.

Что за юноши! какъ тверды
Взгляды ихъ и убѣжденья,
Какъ солидны ихъ манеры,
Какъ увѣрены сужденья!

Дѣловые разговоры,
Въ головѣ «дѣла», въ портфелѣ...
Нѣтъ въ нихъ робкихъ копій,
Имъ открыты жизни цѣли.

Утопическія грезы
Чужды ихъ солиднымъ душамъ:
Въ нихъ живетъ одно стремленье —
Завладѣть скорѣе кушемъ.

Правда, честь — для нихъ все это
Вздоръ! въ виду хорошей суммы
Лги направо и налѣво,
Надувай безъ дальней думы!

Въ наши дни — извѣстно это —
Кушъ даетъ всѣ блага въ мірѣ:
Съ кушемъ можно жить отлично
Въ раззолоченной квартирѣ,

Рысаковъ имѣть, камелій,
Сладко ѣсть и бить баклуши:
Какъ-же юношамъ солиднымъ
Не заботиться о кушѣ?

***

Монологъ одного бурбона.

Я человѣкъ, какихъ не мало,
И — можете имѣть въ виду —
За неимѣніемъ идеала
Я «честь мундирную» блюду.
Считаю «принципы» за посохъ,
Въ плеядѣ нравственныхъ калѣкъ
Иной плутаетъ цѣлый вѣкъ
Въ метафизическихъ вопросахъ
И въ нихъ разгадки жизни ждетъ;
Но у меня солдатскій разумъ,
И я, умомъ тряхнувши разомъ,
Иду, не думая, впередъ!

***

Судьба меня свела когда-то
Съ одною умною вдовой.
Дѣйствительно, «ума палата»,
И я передъ ней былъ самъ не свой;
Я сознавалъ, что мы не пара,
Что лучше, не входя въ задоръ,
Шагнуть мнѣ на попятный дворъ.
Но распѣвая: «Mia cara»!,
Не пожелалъ я отступать;
Но у меня солдатскій разумъ,
И я, умомъ тряхнувши разомъ,
Сталъ за вдовой пріударять.

***

Хоть это и смѣшно немножко, —
Я со вдовой однихъ былъ лѣтъ, —
Но скоро былъ влюбленъ, какъ кошка,
Иль какъ неопытный кадетъ.
Какъ парижанка, или полька,
Давъ волю прихоти одной,
При обращеніи со мной
Вдова капризничила только;
Но я на то смотрѣлъ не такъ,
Но у меня солдатскій разумъ,
И вотъ, умомъ тряхнувши разомъ,
Я съ ней вступилъ въ гражданскій бракъ.

***

Была вполнѣ каррикатурна,
Я скоро понялъ, наша связь
И зналъ, что поступаю дурно;
Въ глазахъ товарищей боясь
Прослыть смѣшнымъ и пошловатымъ,
Вдову по прежнему любя,
Искалъ исхода для себя;
Но я вѣдь не рожденъ Сократомъ, —
Гдѣ страсть, тамъ вѣтеръ въ головѣ, —
Но у меня солдатскій разумъ,
И я, умомъ тряхнувши разомъ,
Рѣшилъ жениться на вдовѣ.

***

Я дѣйствовалъ, по крайней мѣрѣ,
Безъ колебанья, на прямки, —
Вдова-жъ мнѣ показала двери
Однимъ движеніемъ руки.
Такъ поступаютъ вдовы часто,
И, можетъ статься, что другой,
Сказавши: «Къ ней я ни ногой», —
Махнулъ на все рукой и баста!
Не мало женщинъ въ мірѣ есть;
Но у меня солдатскій разумъ,
И я, умомъ тряхнувши разомъ,
Задумалъ въ новомъ родѣ месть.

***

Печатный пасквиль! Нѣтъ оружья
Неотразимѣй и больнѣй,
И отомстить такъ почему-жъ я
Не долженъ, распростившись съ ней?
Пусть скажутъ: «Это безобразно,
«И грязью въ женщину швырять,
«Ее марая и печать,
«И возмутительно и грязно»...
Но я — бурбонъ, а не зоилъ,
Но у меня солдатскій разумъ,
И я, умомъ тряхнувши разомъ,
Печатный пасквиль въ ходъ пустилъ!

Д. Минаевъ.

Скромное желаніе.

Я отъ людей не требую участья,
Пусть въ жизни мнѣ не льститъ судьба сама,
Не надо мнѣ особеннаго счастья,
Не надо мнѣ талантовъ и ума, —
Я скроменъ, тихъ, какъ добрая овечка,
Я ни кому не сдѣлаю вреда...
О, Господи! пошли ты мнѣ мѣстечко
Секретаря сиротскаго суда!

Классикъ.

Идеалъ.

Служитъ онъ, — хоть очень мало, —
Награжденье получилъ;
У него умѣнья стало,
Чтобъ начальникъ полюбилъ...
Онъ его женѣ такъ много
И искусно услужилъ:
Ея стараго бульдога
Отъ недуга излѣчилъ...
И за это повышенья
Онъ достоинъ, спору нѣтъ,
И достойно въ восхищеньи
Отъ него чиновный свѣтъ...
Франтъ юлитъ предъ нимъ, какъ кошка,
Извивается, какъ змѣй!
Если-бъ больше — хоть немножко —
На Руси такихъ людей!..

***

Съ репутаціей завидной
Онъ ничѣмъ не запятненъ!..
Скоро постъ получитъ видный
И полѣзетъ въ гору онъ...
И возьметъ жену-красотку
И приданое за ней...
Проживетъ въ почетѣ, кротко
Много лѣтъ, недѣль и дней!
И ничѣмъ не возмутимый,
Кончитъ въ счастіи свой вѣкъ,
Этотъ славный, возлюбимый,
Этотъ мудрый человѣкъ...
Не принесъ хотя ни крошки
Пользы родинѣ своей...
Если-бъ больше — хоть немножко —
На Руси такихъ людей!

Г. Московскій.

1877.

Герой нашего времени.

Это не Печеринъ, это не Евгеній,
Умъ его нисколько жизнь не тяготитъ
Бурныхъ онъ не знаетъ чувствъ и наслажденій,
Мудрости онъ книжной, какъ чумы бѣжитъ.
Все его желанье — *получить въ петличку,*
Или за женою кушъ солидный взять,
Что-бъ потомъ роскошно содержать пѣвичку,
Что-бы за границу лѣтомъ уѣзжать.
Любитъ онъ порою сѣсть за столъ зеленый,
Сытно пообѣдать и потомъ заснуть...
Умственнымъ багажомъ не обремененный
Онъ свершитъ счастливо жизненный свой путь!

К. Хорь.

1891 г.

Comme il faut

Курсъ наукъ онъ окончилъ блистательно,
Занятъ службою необязательно
Передъ сильными міра старательно
Спину гнуть ужъ привыкъ окончательно;
Въ ресторанахъ кутитъ сногсшибательно,
Изучивъ ихъ вполнѣ обстоятельно;
Онъ романсы поетъ увлекательно
И вальсируетъ такъ обаятельно,
Что дѣвицы вздыхаютъ мечтательно,
Скоро дастъ онъ понять осязательно,
Что ему обвѣнчаться желательно?
Онъ должаетъ жидамъ основательно
(Хоть съ него полученье гадательно),
Щиплетъ горничнымъ щечки ласкательно,
Сплетни слушаетъ очень внимательно,
Въ дамскомъ обществѣ вретъ занимательно
И клевещетъ совсѣмъ безсознательно.

Донъ-Ранудо.

Титулярный совѣтникъ и Венера Медицейская.

Предъ Венерой Медицейской,
Ротъ разинувъ, *онъ* стоялъ;
Дьяволъ думою злодѣйской
Умъ чиновный искушалъ.

Наконецъ, съ невольнымъ стономъ,
Онъ промолвилъ... и сомлѣлъ
«Еслибъ стать Пигмаліономъ
«Мнѣ Юпитеръ повелѣлъ!

«Снявъ богиню съ пьедстала,
«Я вступилъ-бы въ честный бракъ
«Съ ней не мѣшкая ни мало...
«Я вѣдь малый, не дуракъ!

«То-то-бъ славною карьерой
«Освѣтился жребій мой,
«Коль къ директору съ Венерой
«Я предсталъ-бы, какъ съ женой!

«Чинъ за чиномъ, выше... дальше...
«Стала-бъ женушка моя
«Изъ богини — генеральшей,
«Генераломъ сталъ-бы я»!

Авантюрьеръ.

1887 г.

Совѣтъ.

Если ты о тепломъ мѣстѣ
Воспиталъ въ себѣ мечты —
Предъ начальствомъ, милый, лести
Не жалѣй въ бесѣдѣ ты...
Льсти, исполненный нахальства,
Льсти, забывъ и стыдъ и честь...
Безъ труда сердца начальства,
Завоевываетъ *лесть!*

А. Гом.

Обращеніе къ нечистой силѣ.

(Молодого; начинающаго бюрократа).

Молю, о нечистая сила,
Дай когти кошачьи ты мнѣ!
Имѣть ихъ пріятно и мило,
А также практично вполнѣ...
Дай крылья отъ мыши летучей!
(Не нужно мнѣ крыльевъ орла)...
Дай яду гадюки ползучей,
Какъ будто эссенцію зла...
Чутье-бы собачье при этомъ,
Да острое зрѣніе совъ!
Во тьмѣ не проникнутой свѣтомъ,—
То лучше всѣхъ въ мірѣ даровъ...
Имѣть бы способность отлично
Плетенья паучьихъ сѣтей,
Чтобъ ими душить энергично
Полетъ прогрессивныхъ идей...
А если-бъ и хвостикъ, къ примѣру,
Виляя, за мною торчалъ,—
Я скоро-бы сдѣлалъ карьеру,
Особой бы важною сталъ...

П-нъ.

Юбилеи.

Юбилеи править весело:
Тосты, милые стишки...
И забвеніе завѣсило
Флеромъ давніе грѣшки...
Но когда-бъ не флеръ забвенія,
Можетъ былъ-бы юбилей
Не «полезнаго служенья»,
А... «безстыдности нулей».

Чертъ.

Подающій надежды.

Няня старая ребенку,
Объясняя звѣздъ значенье,—
«Это, Ваня, души добрыхъ»,—
Говорила въ поясненье.

***

«Всѣхъ, кто въ жизни натерпѣлся,
«Чья здѣсь вся сломилась сила,
«Всѣхъ десница Божья въ небѣ
«Въ эти звѣзды превратила.

***

«Будешь добрымъ, будешь честнымъ,
«Не погрязнешь, въ мракобѣсьѣ,—
«Лучезарною звѣздою
«Ты зажжешься въ поднебесьѣ»!

***

Ваня слушалъ размышляя,
И шепнулъ сестрицѣ Сонѣ:
«Лучше быть со звѣздой въ мундирѣ,
«Чѣмъ звѣздой на небосклонѣ»!

Отр. Микр.

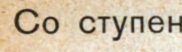
Изъ прописей.

Мой другъ, могу тебя завѣрить:
Коль хочешь ты дышать и жить,
Старайся старшимъ лицемѣрить,
Умѣй начальству услужить.

Вѣрь, результатовъ ты прелестныхъ
Достигнешь тактикой такой;
До степеней дойдешь извѣстныхъ,
Персоной станешь пребольшой!

Хохолъ.

Со ступен

(Біографія вѣчн

Ему судьба

Онъ испыталъ

И перенесъ не

Трудясь перомъ

На сѣверъ

И прочь бѣжит

Онъ кинется на

Летитъ на югъ

Тогда, из

Измучившись въ

Онъ порѣшилъ

«Мѣстечко есть

Туда онъ

И вдругъ узнал

Что тамъ откр

Гератскаго Губ

Забывъ то

Но страсть одн

Онъ былъ гото

Въ Хивинскую

Пришлось

И въ званіи, да

Онъ былъ гото

Урядникомъ въ

Вновь «со

Домой, назадъ,

«Давнымъ давно

«Дворянскую О

1886 г.

Хорошія качества.

Одну онъ пѣсню тонко
Съ дѣльцами тянетъ въ тонъ,—
Съ покорностью теленка
Начальству служитъ онъ.

Въ трудахъ до отупѣнья
Онъ, въ юные года,
Ослиное терпѣнье
Оказывалъ всегда.

Стремясь къ мечтѣ единой,
Онъ ловко взятки бралъ;
Съ улыбкой лошадиной
На старшихъ онъ взиралъ.

Средь дамъ пускалъ онъ въ живость
Совсѣмъ иной пріемъ:
Козлиная игривость
Оказывалась въ немъ,

И даже, подъ острасткой,
Держалъ онъ, какъ въ плѣну,
Своей кошачьей лаской
Пріятеля жену.

Средь знати не смущался
Играть онъ дурака
И къ младшимъ обращался
Съ свирѣпостью быка.

Коль вы въ него влюбились,
То я сказать готовъ,
Что въ немъ соединились
Всѣ качества скотовъ.

Классикъ.

Поручикъ-побѣдитель.

(Романъ).

Разъ у вдовушки прекрасной,
Всѣ, любовью изнывая,
Вечеръ осени ненастной
Проводили мы, вздыхая, —
Дипломатъ довольно блѣдный,
Бюрократъ довольно тучный,
Я — художникъ очень бѣдный
И поручикъ очень скучный!

Разговоръ шелъ очень вяло,
Но хозяйка, очень мило,
Такъ какъ чай намъ разливала,
«Сладокъ чай»? У насъ спросила.
Мы, какъ требуетъ порядокъ,
Поклонились очень скромно...
«Какъ улыбка ваша сладокъ»!
Произнесъ поручикъ томно.

На любезность въ этомъ родѣ
Всѣ мы взоры опустили
И искусно на погодѣ
Разговоръ остановили.
Ну, предметъ такой обиленъ!
Какъ, молъ, вѣтрено, ненастно...
«Вѣтеръ-съ! Будто взглядъ вашъ силенъ»!
Произнесъ поручикъ страстно.

Мы потупились, какъ прежде,
И вступили въ состязанье
О политикѣ, въ надеждѣ
На поручичье молчанье.
Говоримъ, что все — случайно,
Тщетна всякая догадка;
«Такъ и въ сердцѣ вашемъ тайна»!
Произнесъ поручикъ сладко.

Въ настроеніи сердитомъ
Мы вступили, какъ-то дико,
Въ разговоръ о знаменитомъ
Ut diez'ѣ Тамберлика;
Говоримъ, что онъ всѣ струны
Сердца трогаетъ искусcно...
«*Въ вашемъ голосѣ — перуны*»!
Произнесъ поручикъ грустно.

Блѣдны, пасмурны и нѣмы,
Злясь на вечеръ неудачный,
Отъ вдовы уходимъ всѣ мы,
Какъ осенній вечеръ, мрачны;
И, галоши одѣвая,
Съ видомъ страсти безнадежной —
«*Ухожу! Лишаюсь рая*»!
Произнесъ поручикъ нѣжно.

Мой художникъ застрѣлился,
Майской ночью на разсвѣтѣ;
Я, въ отчаяньи, рѣшился,
Написать стихи, — вотъ эти —
И поручику ихъ злобно
Прочиталъ съ большимъ искусствомъ;
«*Очень мило! Безподобно*»!
Произнесъ поручикъ съ чувствомъ.

Казнокрадство — бюрократа
Утѣшеньемъ было въ горѣ;
Онъ попался. Дипломата
Унесло весною въ море.
И вступивши въ бракъ законный
Съ нашей вдовушкой прекрасной —
«*Ты моя*»! Какъ изступленный,
Произнесъ поручикъ страстно.

В. Курочкинъ.

Здравая логика.

Большимъ либераломъ
На свѣтъ я рожденъ
И мудро практичнымъ
Умомъ награжденъ;
За честь и за правду
Я былъ-бы бойцомъ,
Когда-бы я не былъ
Семейства отцомъ.

***

Отъ братскихъ лишеній
Впадая въ тоску,
Всегда-бы могъ руку
Подать бѣдняку;
Къ нему-бы отнесся,
Какъ кровный собратъ,
Когда-бы настолько
Я не былъ богатъ

***

Для общаго блага
И пользы людей,
Всегда проводилъ-бы
Я мудрость идей.
Съ душой безкорыстной
Навѣрно-бъ жилъ,
Когда-бы въ сиротскомъ
Судѣ не служилъ.

***

Продажность и взятки
Я зналъ-бы, какъ зло,
Когда-бъ мнѣ по службѣ
На грѣхъ не везло,
Я самъ не носилъ-бы
Лукавыхъ личинъ,
Когда не имѣлъ-бы
Вліятельный чинъ!

1882 г. *Классикъ.*

Знатный знакомый.

Я всей душой къ женѣ привязанъ;
Я въ люди вышелъ... Да чего!
Я дружбой графа ей обязанъ.
Легко-ли, графа самого!
Дѣлами царства управляя,
Онъ къ намъ заходитъ, какъ къ роднымъ.
Какое счастье! Честь какая!
Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ,
Въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ —
Съ его сіятельствомъ самимъ!

***

Прошедшей, напримѣръ, зимою,
Назначенъ у министра балъ;
Графъ пріѣзжаетъ за женою —
Какъ мужъ и я туда попалъ!
Тамъ, руку при всѣхъ сжимая,
Назвалъ пріятелемъ своимъ!..
Какое счастье! и т. д.

***

Жена случайно захвораетъ —
Вѣдъ онъ, голубчикъ, самъ не свой:
Со мною въ преферансъ играетъ,
А ночью ходитъ за больной.
Пріѣхалъ весь въ звѣздахъ, сіяя,
Поздравить съ ангеломъ моимъ,
Какое счастье! и т. д.

***

А что за тонкость обращенья!
Пріѣдетъ вечеромъ, сидитъ...
«Что вы все дома безъ движенья?
«Вамъ нуженъ воздухъ»! говоритъ.
— Погода, графъ, весьма дурная...
— «Да мы карету вамъ дадимъ»!
Предупредительность какая!
Вѣдь я червякъ, — и т. д.

***

Зазвалъ къ себѣ въ свой домъ боярскій:
Шампанское лилось рѣкой...
Жена уснула въ спальнѣ дамской...
Я въ лучшей комнатѣ мужской.
На мягкомъ ложѣ засыпая,
Подъ одѣяломъ парчевымъ,
Я думалъ нѣжась: а честь какая! и т. д.

***

Крестить назвался непремѣнно,
Когда Господь мнѣ сына далъ —
И улыбаясь умиленно,
Когда младенца воспріялъ.
Теперь умру я, уповая,
Что крестникъ будетъ взысканъ имъ...
А счастье-то, а честь какая! и т. д.

***

А какъ онъ милъ, когда онъ въ духѣ!
Вѣдь, я за рюмкою вина,
Хватилъ однажды: «ходятъ слухи...
«Что будто, графъ... моя жена...
«Графъ, говорю... пріобрѣтая...
«Трудясь... я долженъ быть слѣпымъ»...
Да ослѣпитъ и честь такая!
Вѣдь я червякъ... и т. д.

В. Курочкинъ.

Встрѣча на бульварѣ.

I.

Онъ былъ коллежскій регистраторъ,
Имѣлъ усы и двадцать лѣтъ,
А также мнилъ, что онъ ораторъ
Способный убѣдить весь свѣтъ.

На службѣ — дѣло, чтенье — дома
А вечеркомъ — на бульваръ...
Кому, скажите, не знакома
Моя картина, кто не старъ?!

Понятно, очень даже скоро
Ему попался идеалъ. —
Онъ полюбилъ «ее» безъ спора! —
И чувство страсти изливалъ...

Луна глядѣла съ неба кротко, —
И какъ-же иначе глядѣть? —
«Она» — не пошлая кокотка,
И «онъ» фигурой не медвѣдь.

II.

...Прошли года... «Онъ» былъ персоной
(Совѣтникъ тайный, говорятъ)...
«Она»-жъ — дѣвицей оскорбленной,
Чья жизнь одинъ лишь вѣчный адъ!

«Онъ» семьянинъ, но любитъ шашни,
И каждый вечеръ — на бульваръ
Идетъ отъ Сухаревой башни
Унять сердечный свой пожаръ.

И вотъ, на томъ-же самомъ мѣстѣ
Ему попалась какъ-то та,
Кого оставилъ онъ безъ чести...
Узналъ... трясется... срамота!

Луна съ небесъ глядитъ ехидно:
«Старикъ, молъ, жалки и смѣшны,
«Презрѣнны, подлы и обидны.
«Теперь дары твоей мошны»!

Мистеръ Бумъ-Бумъ.

IV.

Около нравственности.

Современный „деліріумъ“.

Встарь, поэты допивались
До бѣсовъ и до чертей;
Имъ кикиморы являлись
И зеленый даже змѣй.

Я-жъ недавно такъ напился,
Что въ мундирѣ голубомъ
Современный чертъ явился
Мнѣ съ огромнымъ палашомъ...

Л. Пальминъ.

Старая пѣсня.

Пѣсни, что-ли, вы хотите?
Пѣсня будетъ не нова...
Но для музыки возьмите
Въ ней слова, слова, слова.
Обвинять-ли наше племя
Иль обычай такъ силенъ,
Что поемъ мы въ наше время
Пѣсню дѣдовскихъ временъ?

***

Жилъ чиновникъ небогатый.
Просто жилъ, какъ богъ велѣлъ —
И — посты хранивши свято —
Тысячъ сто нажить сумѣлъ,
Но по *злобному навѣту*
Вдругъ отъ мѣста отрѣшенъ...
Да когда-жъ мы кончимъ эту
Пѣсню дѣдовскихъ временъ?

***

Мой сосѣдъ въ своемъ имѣньи
Вздумалъ школы заводить;
Самъ вмѣшался въ управленье,
Думалъ бѣдныхъ облегчить...
И пошла молва по свѣту,
Что пріятель *поврежденъ*...
Да когда-жъ мы кончимъ эту
Пѣсню дѣдовскихъ временъ?

***

Самъ не знаю, пѣть-ли дальше...
Я красавицу знавалъ;
Захотѣлось въ генеральши
И нашелся генералъ.
Въ этомъ смысла даже нѣту,
Былъ другой въ нее влюбленъ...
Да когда-жъ мы кончимъ эту
Пѣсню дѣдовскихъ временъ?

***

Пѣсню старую отъ вѣка,
Какъ языческій кумиръ —
Гдѣ превыше человѣка
Ставятъ шпоры и мундиръ,
Гдѣ уму простора нѣту,
Гдѣ безсмысленный силенъ...
Да когда-жъ мы кончимъ эту
Пѣсню дѣдовскихъ временъ?

***

Да когда-жъ споемъ другую?
Развѣ нѣту голосовъ?
И не стыдно дрянь такую
Пѣть ужъ нѣсколько вѣковъ?
Или спитъ сложивши руки,
При движеніи племенъ,
Богатырскимъ сномъ подъ звуки
Пѣсни дѣдовскихъ временъ?

В. Курочкинъ.

„Патріотъ“.

Кто ты есть?—Докажи! Стрикулистъ али кто?
Насъ зачѣмъ упрекаешь Европой?
Отвѣчай, почему мы—столпы? А не то
Познакомимъ съ сибирской работой.
—Философъ—ты сказалъ!—Это кто-же такой!
По судамъ ты таскаешься, что-ли?
Съ виду, видно сейчасъ, баринъ ты небольшой,
Легистраторъ, подико-сь, не болѣ?
—Те-те-те! вотъ ты кто!— Ну, смекаю вполнѣ...
Пустозвонишь, бумагу мараешь?
То и сё, напримѣръ?.. Это, братецъ по мнѣ,
На чужой, значитъ, счетъ проживаешь?
—Взять бы вашего брата, къ примѣру сказать,
Да безъ дальняго тамъ разсужденья,
Хорошенько, на совѣсть бока наломать
Да подставить къ глазамъ украшенье...
Такъ узнали-бы вы, щелкоперы тогда
Какъ по божески жить подобаетъ...
—Господинъ полицейскій пожальте сюда!
Я—свидѣтель, столповъ забижаютъ!

1882 г. *Д. Тогольскій.*

„Молчать“!

Слабы ужасно мы на разсужденья:
Фразы не можемъ сказать...
Что-жъ, коль приходится намъ отъ рожденья
Слышать повсюду «молчать»!

Глупымъ ребенкомъ я часто, бывало,
Глотку любилъ надрывать...
Помню мамаша сердито кричала:
«Гадкій молчать»!

Юношей, въ классѣ, на рѣчь педагога
Если я смѣлъ отвѣчать,
Онъ обрывалъ меня сухо и строго:
«Дерзкій, молчать»!

Юность прошла, и порою
Въ силахъ бывалъ я сдержать, —
Все-же слыхалъ я порой отъ начальства:
«Братецъ, молчать»!

Нынче, состарясь, въ большомъ ужъ я чинѣ:
Право имѣю кричать
И подчиненнымъ, по этой причинѣ,
Самъ ужъ кричу я: «молчать»!

1877 г. *А. Г-евъ.*

Видѣніе.

(Не изъ Гейне).

Я позвалъ, и сейчасъ-же явилась она —
Моя муза, но въ новомъ нарядѣ:
«Извини, я немного какъ будто смѣшна,
Но что дѣлать — была на парадѣ!
«Получился у насъ очень странный приказъ,
«Чтобъ вогнать насъ въ приличную норму,
«Всѣ на собственный счетъ, да сошьютъ на заказъ
«Превосходную новую форму...
О, клянуся, я музу свою не узналъ...
Нарядилась она очень странно:
Я петлицы, погоны на ней увидалъ,
А на шапкѣ подобіе султана...
На ногахъ не сандаліи, но... сапоги,
Все звенѣло на ней и гремѣло...
И сказала она: «Ты пиши, да не лги,
«Да строчи не фантазіи — дѣло!
«Если хочешь меня непремѣнно позвать —
«Ты одинъ безполезно не кисни —
«Я явлюсь, лишь начни караулъ ты кричать,
«Иль въ свистокъ мелодически свистни»!

И. Астровъ.

Идеальная ревизія.

— Дорóги у васъ въ околодкѣ!
Ухабы, озера, бугры!
— Пожалуйста, рюмочку водки;
За это достанется вамъ...
Пожалуйста, свѣжей икры.
— Выходитъ что, вы не по чину...
— Пожалуйста, кюммелю, джину;
Пожалуйста, рижскій бальзамъ.
— Пословица службы боярской:
Бери, да по чину бери.
— Пожалуйста, честеръ, швейцарскій:
Пожалуйста, стольтону, бри.
— Дорóги, положимъ, бездѣлки:
Но былъ я въ острогѣ у васъ...
— Пожалуйста, старой горѣлки,
Голушекъ, грибочковъ, колбасъ.
— Положимъ, что часъ адмиральскій;
Да вотъ и купцы говорятъ...
— Угодно-съ ветчинки вестфальской?
Стерлядка, дичинка, салатъ...
— Положимъ, что въ вашу защиту
Вы фактъ не одинъ привели...
— Угодно-съ Икемцу, Лафиту?
Угодно-съ Рейнвейну, Шабли?
— Положимъ, что вы увлекались...
Сходило предмѣстнику съ рукъ...
— Сигарочку вамъ-съ: Имперьялисъ,
Регалія, Упманъ, Трабукъ.
— Положимъ, я строгъ черезъ мѣру
И, какъ-нибудь, дѣло сойдетъ...
— Пожалуйста... Эй! Редереру!
Поставить двѣ дюжины въ ледъ!

В. Курочкинъ.

Отеческое наставленіе.

Мой сынъ, твоей карьеры путь
Открылся предъ тобой;
Трудись и безкорыстенъ будь —
Теперь ужъ вѣкъ такой!
Всю жизнь, бывало, крали мы,
Но ты... ты не кради, —
За грошъ отвѣдаешь тюрьмы
Теперь того-гляди.
Чрезъ честность больше обрѣтешь,
Въ концѣ концовъ, повѣрь, —
По службѣ быстро вверхъ пойдешь —
Такой ужъ вѣкъ теперь!
И вотъ когда дойдешь, мой другъ,
До важнаго поста,
И всѣ увѣрятся вокругъ,
Что честь твоя чиста, —
Сочти все то, что по пути
Ты могъ бы взять съ собой,
Да сразу въ десять разъ хвати!..
Теперь ужъ вѣкъ такой!..

Сентиментальный юмористъ.

Особа.

Любо на родинѣ нашей прославленной,
Въ нашемъ краю дорогомъ,
Любо особѣ высокопоставленной
Взоры окинуть кругомъ.
Все передъ знатной высокой особой,
Преобразится вокругъ,
Все заблиститъ чистотою особою
И принарядится вдругъ.

Вотъ, напримѣръ, въ учрежденье гуманное,
Вздумалось сдѣлать визитъ,
И — учрежденіе (дѣло престранное)!
Все, какъ съ иголки, горитъ!..
Пища вдругъ сдѣлалась вкусной,
питательной;
А наканунѣ была
Чуть не съ червями... Особа блистательной
Пищу, отвѣдавъ, нашла...
Самъ экономъ, самъ грабитель отъявленный,
(Чудо)! собой показалъ
Передъ особой высокопоставленной
Честныхъ людей идеалъ...
Всюду, особа, куда ни направится,
Чисто ей выметутъ путь...
Такъ ужъ устроютъ, что все ей понравится,
Любо ей будетъ взглянуть...
Голодъ и грязь, нищета и страданія
Прячутся робко въ тѣни,
Только цвѣты, да благія дѣянія
Блещутъ предъ нею одни...
Въ классъ ли зайдетъ — тамъ, при этой
оказіи
(Вѣрно подгонятъ ужъ такъ)!
Узритъ особа въ питомцахъ гимназіи
Преуспѣянія знакъ...
Взглянетъ куда — все предъ ней улыбается,
Все благоправно цвѣтетъ;
Жалоба темная къ ней не спускается
И на порогѣ замретъ...
Если-жъ достигнетъ, то въ ней злонамѣ-
ренный,
Вредный послышится лай
Знатной особѣ, пріятно увѣренной,
Что благоденствуетъ край...

Л. Пальминъ.

На улицѣ.

(Подслушанный разговоръ).

Да-съ, наступили времена!..
Растраты, подлость, крахи, взятки...
Междуусобная война...
Мы всѣ играемъ, точно въ прятки...
Охъ, право, намъ не сдобровать, —
Но гдѣ-жъ общественное мнѣнье?
— Изволитъ сладко почивать,
Давно ужъ дрыхнетъ безъ стѣсненья.
— Отлично! Ну, а нашъ Прогрессъ?
Вѣдь поросло у насъ все тиной.
— Прогрессъ? Фью-фью! совсѣмъ исчезъ,
Удралъ и въ бракъ вступилъ съ Рутиной..
— Вотъ какъ?! Но долженъ кто нибудь
Давать намъ тонъ... Когда все глухо,
— Ужель не знаете кто?.. Брюхо!..

Незлобивый поэтъ.

Современная дума.

Да, много кражъ! Большія кражи!
Но что всего прискорбнѣй въ нихъ
То — не число, не кушъ ихъ даже,
А самый путь открытья ихъ:

Царитъ хищенье многи годы,
Доносы скрыты подъ сукномъ,
Какъ вдругъ измѣнчивость погоды
И воръ — безъ мѣста, подъ судомъ.

Беретъ невольное раздумье,
Что если вора «грѣхъ пcстигъ»;
То жертвой онъ — не правосудья,
А чьей то мести и интригъ!

Сентиментальный юмористъ.

Пѣсня о палкѣ.

Современные сюжеты
У поэтовъ скудны, жалки,
Что-жъ и мнѣ не спѣть куплеты?
Напримѣръ, о чемъ? О палкѣ.
Пѣлъ Петрарка о Лаурѣ,
А Полонскій, Майковъ, Фетъ —
О веснѣ и о лазури...
Палка будетъ мой сюжетъ.
Палка вещь весьма простая,
Все равно какой породы,
Но она, порой блистая,
Осѣняетъ всѣ народы.
Пусть иной поетъ лилею,
Розу, нѣгу, соловья,
Я реальность возлелѣю,
И спою о палкѣ я,
Что важна и псамъ и люду...
Ореолъ надъ ней священный...
Ходитъ палка, ходитъ всюду,
Въ разныхъ видахъ по вселенной.
Будь еврей, магометанинъ,
Будь папистъ и лицемѣръ, —
Кругозоръ всѣхъ душъ туманенъ,
И превыше звѣздныхъ сферъ,
Даже въ небѣ чтется палка
Надъ юдолью бренной жизни...
Здѣсь-же, гдѣ земная свалка,
Въ міровой у насъ отчизнѣ
Палка тоже не игрушка, —
И грозна и велика,
Это крупповская пушка,
Или въ образѣ штыка...
Палка — холодъ, палка — голодъ,
Для бродягъ она — темница,
Гимназисту-же, что молодъ, —
Изъ урока единица...

Изъ подъ палки трудъ суровый,
Всюду намъ грозитъ она,
И до дней эпохи новой
Палка старая страшна...
Ахъ, о палкѣ много, много,
Я пропѣлъ-бы, да боюся,
Что она накажетъ строго!
Лишь смиренно я молюся
О другомъ для ней удѣлѣ...
Муза время призови,
Чтобъ на палку эту вздѣли
Знамя правды и любви,
Чтобъ оставили угрозу,
Насъ вела она ко свѣту,
И, какъ вешнимъ утромъ розу,
Мы прославимъ палку эту!..

А. Пальминъ.

Міровой центръ.

———

Какъ пылинки крутятся въ небесныхъ кругахъ
Лучезарныхъ свѣтилъ миріарды,
Милліоны міровъ и созвѣздій въ лучахъ,
И пути ихъ не знаютъ преграды.
Будто атомъ, вращается шаръ міровой
Въ милліонахъ безчисленныхъ звѣздныхъ.
Какъ песчинка въ бездонной пучинѣ морской,
Утопая въ сверкающихъ безднахъ.
А на атомѣ этомъ, что гордо зовемъ
Мы столицей всего мірозданья,
Городишко уѣздный въ затишьѣ степномъ
Цѣлымъ міромъ забытъ безъ вниманья, —
А въ глухомъ городишкѣ тамъ есть становой,
Съ краснымъ носомъ, какъ уголь каленый,
И считаетъ онъ гордо, что центръ міровой —
Это... носъ его красно-зеленый

Л. Пальминъ.

По немножку.

Мелкой сошкою я росъ,
Развивая для начальства
Тонкій слухъ и чуткій носъ;
Тихо, скромно, безъ нахальства
Я на службѣ, будто кротъ,
Проторить умѣлъ дорожку
И пошелъ себѣ впередъ
По немножку, по немножку...

У начальника женой
Дочь была аристократа;
Хоть была она дурной,
Но за то была богата.
Часто, глядя на меня,
Сердце билось въ ней тревожно;
Сталъ сближаться съ нею я
Осторожно, осторожно.

И съ любовью своей карманъ
Для меня она открыла;
Начался любви романъ,
Боже, какъ она любила!
Мнѣ довѣрилась она,
И карманъ ея привѣтно
Я исчерпывалъ до дна
Незамѣтно, незамѣтно...

И путемъ безчестныхъ дѣлъ,
Ложью, лестью, святотатствомъ
Я спокойно овладѣлъ
Славой, почестью, богатствомъ.
Хоть порой укоръ терплю,
Но святого чувства крошку
Я, конечно, усыплю
Понемножку, понемножку...

Ивановъ-Классикъ.

Реформа въ поэзіи.

Рѣшено упраздненье Парнаса:
Мало пользы замѣчено въ немъ...
И въ конюшню упрячутъ Пегаса,
Дверь запрется желѣзнымъ замкомъ.
Чтобъ имѣть попеченье объ этомъ,
Назначается строгій солдатъ.
Будетъ конь вдохновеннымъ поэтамъ
Отдаваться порой на прокатъ.
Но чтобъ это узнать развлеченье,
Чтобъ поѣздить хотя-бы моментъ,
Надо будетъ имѣть дозволенье
И особый достать документъ.
За печатью и съ маркой гербовой
Тамъ означится имя пѣвца,
И тогда развлеченье готово:
Можно тотчасъ сѣдлать жеребца.
Но чтобъ вредной не сдѣлать забаву
И не слишкомъ свободно летать —
За назначеннымъ часомъ по праву
Будетъ унтеръ всегда управлять.

Л. Медвѣдевъ.

Губернскій Держиморда.

Ѣду, ѣду, не свищу
По безлюдному «проспекту»,
А наѣду — не спущу
Нечиновному «субъекту»!..
Изъ желанія добра,
Внукъ любимый — Держиморды,
Сѣрой публикѣ, съ утра
Я ретиво мою морды!

Пьеръ Гіацинтовъ.

1896 г.

Знаки препинанія.

Старый хапуга, отъявленный плутъ
Отданъ подъ судъ;
Дѣло его, по рѣшеніи строгомъ,
Пахнетъ острогомъ...
Но у хапуги, во-первыхъ, жена,
Очень умна;
А во вторыхъ еще нѣсколько дочекъ...
. . . .
(Нѣсколько точекъ).

***

Дочекъ наставила, какъ поступать
Умная мать
(Какъ говорить языкомъ и глазами, —
Знаете сами);
Плачетъ и молится каждая дочь
Каждую ночь...
Ну, и нашелся заступникъ сіятельный,
!
(Знакъ восклицательный).

***

Старый хапуга оправданъ судомъ,
Правда съ трудомъ;
Но ужъ усѣлся онъ въ полной надеждѣ,
Крѣпче, чѣмъ прежде.
Свѣтъ, говорятъ, не безъ добрыхъ людей
Правда ей ей!
Такъ и поставилъ, махнувъ, сокрушительный
?
(Знакъ вопросительный).

В. Курочкинъ.

Практично.

Моралисты приличьямъ всѣ учатъ меня:
«Безъ перчатокъ ходить не прилично»!
И хотя это такъ, соглашаюся я,
Но за то-же вѣдь это практично.

***

Мнѣ всегда говорятъ, что безчестно служить
Двумъ врагамъ: «Это будетъ двулично»!
Я готовъ всѣмъ согласье свое изъявить,
Но за то-же вѣдь это практично.

***

Угождать лишь себѣ, а другимъ—ничего,
Словомъ, жить для себя только лично,
Это такъ; это слабость одна лишь всего,
Но за то-же вѣдь это практично!

***

На чужой счетъ кормиться другихъ объѣдать,
Господа! это, право, отлично!
«Тунеядствовать! подло вѣдь такъ
поступать»!
Я согласенъ,—но это практично!

***

Капиталъ незаконнымъ путемъ наживать,
Взятки брать сплошь отъ всѣхъ энергично,
Я согласенъ, что подло и такъ поступать
Но за то-же вѣдь это практично!

***

Обирать-ли кого, или, просто, украсть—
—Это все хорошо безразлично!
«Какъ! воскликнутъ всѣ мнѣ: ужъ такъ
низко упасть»!
Отчего-жъ, если это практично?

Д. Линт—евъ.

Поэтъ и квартальный.

Судьбу на бой ты не зови,
Дивись игрѣ ея фатальной:
Дверь съ дверью жили визави
Поэтъ мечтатель и квартальный.
Была квартальнаго жена
Мила, какъ ангелъ, даже краше,
Поэтъ влюбился (вотъ-те на)!
И въ страсти объяснился Машѣ.
Но въ роковой моментъ, увы!
Квартальный распахнулъ къ нимъ двери
И зарычалъ: «Вотъ такъ-то вы»!
Была въ немъ ярость, точно въ звѣрѣ.
Что было дальше — страхъ сказать...
Перо дрожитъ мое къ тому-же,
Чтобы поэта наказать, —
Вотъ каково ехидство въ мужѣ!—
Онъ съ злополучнаго взыскалъ
За всѣ стихи, что тотъ въ кручинѣ
Предмету страсти, написалъ,
Со строчки каждой по полтинѣ...

А. Пальминъ.

Пѣснь титулярной совѣтницы.

Время настало, ей Богу, престранное!
Міръ — точно лѣсъ...
Вкругъ о гуманности рѣчи туманныя,
Споръ за прогрессъ!

Всѣхъ заѣдаетъ любовь къ деревенщинѣ,
Чванится хамъ...
Просто житья нѣтъ порядочной женщинѣ!
Горе и срамъ!

Въ гости прiѣдешь — все пища скоромная,
Какъ у татаръ;
Драться захочешь — прислуга наемная...
Просто базаръ!..

Рядомъ сажаютъ съ безстыжей прелестницей,
Чина не чтутъ,
Будь хоть дѣйствительной статской
совѣтницей —
Мимо пройдутъ!

Д. Минаевъ.

Лѣтняя картинка.

Жгучiй полдень. Съ небесъ надъ просторомъ земли
Знойно солнца лучи разливаются,
Золотистые вихри крутятся вдали,
По дорогѣ бѣгутъ завиваются.
Жаръ полдневный природу какъ будто гнететъ
Все исполнено нѣгой лѣнивою.
Чья-то тройка неистово мчится впередъ...
Пыль съ дороги клубится надъ нивою.
Этотъ жаръ, этотъ зной раскаленныхъ небесъ
Предъ грозою, предъ бурей ужасною...
Въ тучахъ пыли не мчится ли грозный Зевесъ,
Полный карою для мiра опасною?
Да, я вижу суроваго лика черты...
Вьются гривы волнистыя конскiя...
Въ честь Зевеса, что къ людямъ сошелъ съ высоты,
Гряньте Майковы, гряньте Полонскiе!
Вѣрю: мчится подъ кровомъ клубящихся тучъ
Самъ Зевесъ съ громоносной десницею,
Вижу гневнаго ока сверкающiй лучъ
Надъ гремящей его колесницею...
Вонъ и тучи толпятся, и тьмой роковой
Не сулятъ-ли ужасное бѣдствiе?
Впрочемъ, то не Зевесъ... Это нашъ становой
Быстро мчится куда-то на слѣдствiе...

Л. Пальминъ.

Городовой.

„Пока не требуетъ поэта“..
Пушкинъ.

Пока не требуютъ по дѣлу
Городового ни къ кому,
Онъ, въ думу погруженный, смѣло
Задремлетъ на своемъ посту.
Свистокъ не слышитъ оловянный.
Молчитъ его призывный гласъ.
И онъ стоитъ, какъ деревянный.
Не шелохнется цѣлый часъ.
Но неестественный лишь крикъ
До слуха чуткаго коснется, —
По улицѣ ужъ онъ несется,
Оживъ душою въ тотъ-же мигъ.
По мостовой тогда широкой
И дикъ, и страшенъ онъ бѣжитъ,
И дворника свистокъ далекій
Тоскою за сердце щемитъ.
Прохожихъ быстро онъ толкаетъ,
Скандалъ почуя, самъ не свой.
Въ участокъ властно забираетъ
Своею мощною рукой.
Лишь до скандала онъ добрался,
Въ порядокъ сразу все привелъ!
Съ двумя-тремя слегка подрался
И медленно на постъ побрелъ.

А. Л-нъ.

Мысль.

Въ тиши вечерней вдругъ повѣя
И въ краскахъ радужныхъ блестя,
Явилась свѣтлая идея
Ко мнѣ, какъ рѣзвое дитя.
Ея хорошенькіе глазки
Горѣли чувствомъ и умомъ,
Извѣстный вѣнчикъ, будто въ сказкѣ,
Сіялъ надъ дѣвственнымъ челомъ.

Ее рукой нетерпѣливой
Я въ мигъ поймалъ и въ стихъ одѣлъ.
Но, ахъ, костюмъ ея игривый
Былъ черезъ чуръ открытъ и смѣлъ...
Ты не простудишься-ль въ печати
Мое дитя? и какъ отецъ,
Я ей надѣлъ халатъ на ватѣ,
Чулки, калоши и чепецъ.
А цензоръ добрый, въ роли дяди,
Чтобъ скромнѣй она была,
Кудрей златыхъ ей срѣзалъ пряди
И звѣзды снялъ съ ея чела...
И вотъ помчалася стрѣлою
Красотка рѣзвая въ печать.
Но что, дитя мое, съ тобою?!
Тебя мнѣ просто не узнать!
Блѣдна... Изъ чепчика изъ ваты
Лишь сыплешь точки безъ числа ты...
Нѣтъ, не такой, клянусь, была ты
Со мной въ тиши наединѣ!..

Л. Пальминъ.

Весенняя серенада.

Воздухъ мая нѣгой таетъ,
Гуще мракъ ночной...
Гдѣ-то песъ на мѣсяцъ лаетъ —
Спи городовой!

Кто-то крадется сторонкой,
Узелъ подъ полой,
Вѣетъ снами воздухъ тонкій, —
Спи городовой!

Промаячилъ безъ удачи
Ванька день-деньской,
И шажкомъ ползетъ на клячѣ —
Спи городовой!

Возвращается гуляка
Съ пѣснею домой...
Гуще, гуще тѣни мрака —
Спи городовой!

Кто-то плачетъ, кто-то стонетъ
Въ тишинѣ нѣмой,
Но за тучей мѣсяцъ тонетъ, —
Спи городовой!

Изъ проулка крикъ несется:
«Караулъ, разбой»!
А надъ будкой греза вьется —
Спи городовой!

Д. Минаевъ.

Дятелъ... и поэтъ.

Осенній полдень золотой;
Въ убранствѣ пестромъ лѣсъ тѣнистый;
Сухія листья подъ ногой
Шумятъ; прохладенъ воздухъ чистый;

Пустынно все, и въ тишинѣ
Лишь вѣтерокъ шумитъ листвою,
Да дятелъ звонко по соснѣ
Въ лѣсной тиши долбитъ порою.

Ни пѣсенъ, ни мотивовъ нѣтъ
У дятла — знаютъ всѣ объ этомъ, —
Онъ ставитъ точки, какъ поэтъ...
Да, сходенъ съ русскимъ онъ поэтомъ...

И звучны точки эти: въ нихъ
Такъ мого тайнаго значенья...
На мѣстѣ цензора и ихъ
Я зачеркнулъ-бы въ два мгновенья.

А. Пальминъ.

Волшебный бичъ.

Свилъ я бичъ волшебно-дивный, — то краса и цвѣтъ бичей, —
Свилъ его не изъ веревокъ, а изъ солнечныхъ лучей.
Нити молніи златыя вплелъ въ него искуссно я,
Изъ волосъ Медузы тоже вплетена была змѣя,
Риѳмы звонкой и игривой колокольчики притомъ
Навязалъ на рукоятку при бичѣ я золотомъ,
Чтобъ извѣстно было міру, лишь кого-нибудь хлестну,
Огласилъ бы звонъ при этомъ всю родимую страну...
Пусть прогрессъ царитъ на свѣтѣ, но вездѣ и въ наши дни
Бичъ играетъ роль большую, хоть куда ты ни взгляни...
Бичъ незримый, бичъ и зримый люди тамъ и здѣсь клянутъ,
Такъ ужъ надо и поэту свить изъ ямбовъ длинный кнутъ..,
Я ужъ сильно размахнулся, отъ восторга трепеща,
Но мгновеніе — и вижу, что осталось отъ бича
Только съ римѳой рукоятка... Чьихъ то ножницъ лезвеё
Бичъ отрѣзало, и тщетно бичеваніе мое...

А. Пальминъ.

Новое время — новыя пѣсни.

Стояла, какъ извѣстно намъ,
Въ Египтѣ статуя Мемнона
И издавала по утрамъ —
Печально — что-то вродѣ стона...

Теперь — не любитъ стоны свѣтъ
И въ наши дни, я разсуждаю,
Не стонъ бы слышался, о нѣтъ! —
А возгласъ: «Здравія желаю»!

А. Грузинскій.

Отличное средство.

Надняхъ я получилъ прошенье:
Вотъ мученье!
Исполнить, право, радъ-бы я,
Но протурятъ за то меня.
Усердье лучше поумѣрить,
Да просьбицу захерить.

***

Вопросъ я получилъ недавно:
Вотъ забавно?
Изволь-ка голову ломать,
Чтобъ по разумнѣй отвѣчать;
Не лучше ли перу довѣрить,
Чтобъ тотъ вопросъ захерить...

***

Мнѣ данъ проекъ на разсмотренье:
Удивленье!
Одобрить мнѣ надо-бы... но нѣтъ,
Онъ обремизитъ *мой* проектъ...
Ну, чтожъ? Вольно-же въ совѣсть вѣрить,—
Не трудно, вѣдь, захерить...

Г.г.

Великъ кулакъ земли Россійской.

О, кулакъ земли Россійской!
Знаменитъ твой смыслъ житейскій,
Отъ твердыни Византійской
До страны Гипорборейской.

Ты великъ, игривъ и мощенъ,
И тебя, кулакъ, частенько
Въ ходъ пускалъ разбойникъ Рощинъ
И отважный Разинъ Стенька...

Позабывъ о чести, долгѣ,
    Задавалъ ты всѣмъ трезвону,
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
    Вверхъ по батюшкѣ по Дону...

Агарянъ ты стукалъ кровныхъ,
    Раздроблялъ калмыковъ племя,
А теперь и православныхъ
    Разшибаешь въ наше время...

Ты играешь роль при самыхъ
    Умилительныхъ причинахъ, —
Бьешь мужчинъ при нѣжныхъ дамахъ,
    Нѣжныхъ дамъ бьешь при мужчинахъ.

Въ усъ и въ рыло ты, въ задорѣ,
    Исполински хлещешь свински —
Въ Керчи, въ Колѣ, въ Тулѣ, въ Гори,
    Въ Минскѣ, Пинскѣ и Хвалынскѣ...

Вотъ собранье: рѣчи тонки,
    Все натянуто и сухо...
Глядь, кому-нибудь, въ сторонкѣ,
    Ты уже заѣхалъ въ ухо...

Воздухъ чистъ; воспѣтый Фетомъ
    Тонетъ Фебъ въ эфирѣ аломъ...
Глядь, кого-нибудь при этомъ
    Ты ужъ хлещешь по сусаламъ...

Дружелюбная бесѣда...
    Пахнетъ пуншемъ, ананасомъ...
Бацъ! Ты лупишь ужъ сосѣда
    По мордасамъ, по мордасамъ...

Г. Н. Жулевъ.

Изъ мотивовъ пессимиста.

Дерзкія кражи, хищенья гигантскія,
Наглый, циничный обманъ, —
Подлыя травли, статьи сикофантскія,
Ругань, намеки, туманъ...
Мразь, подхалимы, писаки продажные.
Пасквилей, мерзостей градъ,
Рыцарей мрака дѣянья шантажныя,
Низкія страсти, развратъ...
Къ быстрой и легкой наживѣ стремленія,
Эксплуататоровъ рать...
Все это будитъ въ душѣ озлобленіе —
Надо подальше удрать!
Только куда?.. Гдѣ добра-то разсадники?
Степи глухія?.. Но, ахъ?
Миръ и покой отравляютъ урядники
Въ этихъ прекрасныхъ мѣстахъ...

1882 г. *Незлобивый поэтъ.*

Смиреніе.

Гласъ назидательный звучитъ.
Такъ сладко міру въ поученье:
Пускай вражда въ васъ замолчитъ!
Да будутъ кротость и смиренье!..
Прекрасно; я смирится радъ,
Я буду кротокъ, милуй Боже...
И ближній мнѣ да будетъ братъ,
Но пусть и онъ смирится тоже...
И все-жъ замѣчу я въ концѣ:
Смиренье, право, мало толку
Внушать терзаемой овцѣ,
А не терзающему волку...
Смиренье!.. сладко гласъ звучитъ.
Рекомендуется-то — жалко —
Онъ лишь тѣмъ, кто палкой битъ,
А вовсе не тому, чья палка...

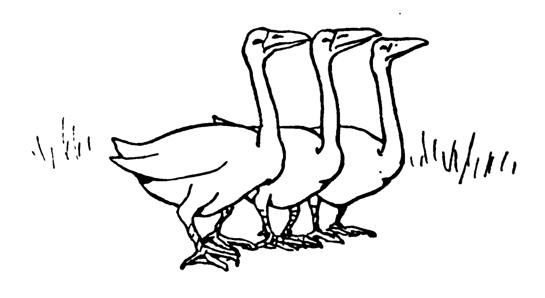
Л. Пальминъ.

Изъ дачныхъ мелодій.

Найдя пріютъ прохладной тѣни
Средь густолиственной сирени,
Пѣвецъ-волшебникъ соловей
Свисталъ и громко заливался;
Онъ вдохновенію предался
И чудной лирикѣ своей.
Межь тѣмъ, въ саду гуляли власти
(То было возлѣ дачной части),
Сперва пришелъ городовой,
А тутъ какъ тутъ и участковый,
И, ставши съ миною суровой,
Поникли оба головой.
Они въ безмолвіи внимали,
Но видѣлъ ихъ пѣвецъ едвали...
Счастливецъ! Даже ты не зналъ,
Что роковыя въ мірѣ власти
Чаруешь ты напѣвомъ страсти...
И... не взяли тебя въ кварталъ!..

Л. Пальминъ.

V.

Аллегорія и апоѳеозъ.

Элегія... тряпки.

При лунномъ сіяньи порою ночной
Что видѣлъ я въ часъ привидѣній урочный!
То грязная тряпка была...
Мнѣ скажутъ: ужели подобную тему
Пѣвецъ можетъ взять создавая поэму?
А впрочемъ, была — не была!
Заброшенной тряпкѣ судьбою жестокой,
Увы, суждено быть въ углу одинокой,
И страшно грустила она,
Что въ мірѣ заѣдена злою средою...
А тряпка была и кичливой мечтою,
И гордымъ сознаньемъ полна:
Въ нашъ вѣкъ современный, — она говорила, —
Я много-бы въ мірѣ людскомъ натворила,
Была-бы я сильной земли...
Я знаю, что въ модѣ всегда затыканье
Всѣхъ щелокъ, откуда и свѣтъ, и сознанье,
И разумъ пройти бы могли...
Забытая тряпка, — я гибну напрасно...
А какъ-бы въ нашъ вѣкъ я служила прекрасно...
Усердью предавшись душой...
О, я не пустила-бы проблеска свѣта,
Большой-бы окладъ получала за это.
Особой бы стала большой!.. —

Л. Пальминъ.

Акростихъ.

(Заповѣдь писателю).

Могущество правды, ничтожество лжи
Открыто всегда проповѣдуй,
Льстецамъ неразуміе ихъ укажи,
Чти смѣлыхъ борцовъ, съ бойкимъ словомъ дружи
И принципу честности слѣдуй!

Кобчикъ.

Свѣтская львица и поклонники.

Любви и красоты плѣнительная жрица,
Среди поклонниковъ она царица
Съ волшебной граціей и прелестью своей,
А обожатели министрами у ней.
Тутъ всѣ министры есть; примѣромъ
просвѣщенья
— Студентикъ молодой; путей-же сообщенья, —
То мужа близкій другъ, премилый инженеръ...
Военный-же министръ, конечно, офицеръ...
Тутъ и юстиція подъ видомъ адвоката,
Купецъ-же, что даритъ и щедро и богато —
Министръ финансовъ здѣсь, таковъ его
удѣлъ.
Домашній врачъ министръ не внутреннихъ-
ли дѣлъ?
А кѣмъ рогатый мужъ, взирающій безпечно?
Изображаетъ онъ простой народъ, конечно...

А. П—нъ.

Разные взгляды.

Вдоль по губерніи голодной
Два мужа путь свершали свой:
Одинъ — высокоблагородный,
Другой-же такъ себѣ, простой.
На встрѣчу бѣдности примѣры —
Безъ пищи рты, гдѣ ни шагнуть.
И думалъ первый: надо мѣры
Изобрѣсти, чтобъ ихъ *заткнуть...*
Заткнуть во что-бы то ни стало!
Чтобъ не кричали эти рты,
И никого-бы не смущало
Вытье голодной нищеты...

Такъ, отыскавъ пріютъ шикарный,
Проекты онъ изобрѣталъ,
Смотря какъ пѣною янтарной
Бокалъ шампанскаго игралъ.
Другой, голодный самъ довольно,
Зашелъ для отдыха въ кабакъ,
И ртами тощими навольно
Былъ тоже возмущенъ бѣднякъ.
Глаза его блеснули строже.
Сбираясь шкаликъ пропустить,
Онъ обо ртахъ подумалъ тоже:
Эхъ, какъ-бы всѣхъ ихъ накормить.

Л. Пальминъ.

Отмороженый носъ.

Чиновникъ на службу зимой шелъ морозной,
Въ трактиръ завернулъ на мгновеніе онъ,
Но вдругъ онъ исполнился думою грозной,
Замѣтивъ, что носъ былъ краснѣй, чѣмъ піонъ,
Алѣе махровой столиственной розы...
Конечно, причина простая — морозы...
Оно ничего-бы... Да вотъ, въ чемъ бѣда:
Носъ мѣряться вздумалъ своей краснотою
Съ околышемъ краснымъ фуражки...
Тогда
Чиновникъ исполнился страшной тоскою,
Сказавъ: «Вольнодумецъ, мерзавецъ ты, носъ!..
«Смотри по начальству вѣдь будетъ доносъ,
«Что смѣлъ ты съ околышемъ краснымъ тягаться...
«Щелчекъ ты получишь! Ужъ слишкомъ ты смѣлъ»!..
Тутъ носъ испугался (да какъ не пугаться!);
Онъ весь побѣлѣлъ отъ испуга, какъ мѣлъ,
Обмерзъ и поклялся не быть либераломъ...
Пришлось ужъ свинымъ оттирать его саломъ...

Л. Пальминъ.

Комета.

Къ землѣ комета приближалась,
Спѣша чрезъ голубой эѳиръ.
Она давно ужъ собиралась
Взглянуть опять на грѣшный міръ.
Съ эпохи давняго свиданья,
Должно быть, думалося ей,
Нѣтъ на землѣ уже страданья,
Нѣтъ больше зла, и нѣтъ скорбей
Но вотъ, глядитъ она, — о Боже!
Комета ахнула дрожа:
Вездѣ порядки стали строже,
Вездѣ ночные сторожа.
У нихъ на лбахъ сверкаютъ бляхи,
Всѣ ходятъ съ палкой и свисткомъ.
И — маршъ назадъ комета въ страхѣ,
Оборотившись къ намъ хвостомъ!..

Л. Пальминъ.

1883 г.

„Освѣтили“.

(Провинціальная быль).

Мы привыкли подчиняться
Губернаторскимъ приказамъ...
Какъ-то, намъ велѣлъ правитель
Освѣтить нашъ городъ газомъ.
Дѣлать нечего, собрались
Въ ресторанъ въ седьмомъ часу мы,
Обсудить вопросъ детально,
Изыскать на дѣло суммы.
Ровно въ полночь былъ ужъ каждый
Съ фонаремъ большимъ подъ глазомъ,
И потребность миновала
Освѣщать нашъ городъ газомъ.

М. Т.

Двѣ силы.

Въ былые дни миссіонеры,
Являя доблести примѣры,
Во имя кроткаго Христа,
Являлись въ дальнія мѣста...
Свершая долгъ въ экстазѣ смѣломъ
Они словами, мыслью, дѣломъ,
Не видя въ людяхъ лишь звѣрей,
Смягчали души дикарей.
Чтобъ хлѣбъ созрѣлъ — потребно время...
Любовью брошенное сѣмя
Давало міру тучный плодъ
И дикій къ свѣту шелъ народъ.

Но вотъ, изъ пушечнаго дула
Цивилизація подула,
Въ замѣну ласковыхъ рѣчей,
Ведетъ къ прогрессу трескъ мечей
И броненосная эскадра,
Во имя свѣта, мечетъ ядра.
«Дикарь» смущенъ: зачѣмъ, къ чему,
Покорность страшная ярму?
Ему одинъ лишь выходъ ясенъ —
Родимый край не безопасенъ...
И жаждетъ кровь пролить дикарь,
Еще озлобленнѣй, чѣмъ встарь!

1896 г. *Л. Медвѣдевъ.*

Мужъ и жена.

(Аллегорія).

Духъ застоя, рутины, коснѣнья —
Грозный мужъ, старый хрычъ и рогачъ,
Полный къ юной женѣ подозрѣнья.
Отъ него молодая, хоть плачь!

Мысль, играя стремленіемъ страстнымъ, —
Молодая красотка, жена!
Всѣмъ возвышеннымъ, юнымъ прекраснымъ
Увлекается пылко она.
Старый мужъ, ретроградный и злобный,
Строго держитъ ее въ заперти,
Словно душитъ доскою надгробной,
Не даетъ ей на волю идти.
А зачѣмъ? Эта сила живая, —
Только старый смирится въ гробу, —
Рѣзво вырвется, свѣтъ разливая,
Слово воли промолвитъ рабу,
Заблистаетъ своей красотою
Надъ могилой хрыча старика,
Улыбнется коварно застою
И грядущіе встрѣтитъ вѣка...

Л. П.

Гончаровскіе герои въ наши дни.

Захолустныхъ разныхъ олуховъ,
Какъ и прежде «извергъ» Волоховъ
Устрашаетъ Русь не малыми
Удивляючи «скандалами».
А изъ Питера — «а ту его»!
На него семья Адуева
Знай, кричитъ, бюрократичная
И до тошнаго тактичная.
Райскій, шляясь за границею,
Бредитъ Римомъ, бредитъ Ницею,
Бредитъ статуями, кубками
И... волочится за юбками.
Впалъ Обломовъ въ долю тяжкую:
Познакомился съ Кондрашкою
И на дняхъ отъ міра колкаго
Отвезутъ его на Волково.

Авантюрьеръ.

1891 г.

Господинъ мухоморъ.

Гордится, кичится, осеннею порою,
Въ лѣсу господинъ Мухоморъ,
И гордо онъ молвитъ, подобно герою:
Для жизни я — гибель и моръ!
Волнужка и рыжикъ, и ты, сыроѣжка,
И бѣлый и грузди — всѣ дрянь!
А ну-ка, смѣльчакъ, меня ты поѣшь-ка!
Изволь, на меня ты нагрянь!..
Такъ молвилъ онъ важно, съ улыбкою, —
сладкой, —
Да, спорить со мною наврядъ!..
И выказалъ гордо подъ красной подкладкой
Серебрянныхъ крапинокъ рядъ.
Тутъ бѣлый грибокъ подо мглою осенней
Промолвилъ вздохнувши въ тѣни:
Да! Вы господинъ Мухоморъ, современный,
И съ вами бороться — ни-ни!

Л. П.

Уровновѣшенные люди.

Есть черствые сердца, практичные умы.
Въ нихъ не кипятъ огнемъ волненья и порывы;
Ихъ не уносятъ чувствъ изъ холода и тьмы
Къ восторженнымъ мечтамъ тревожные призывы,
Ихъ протекаетъ жизнь безъ радостей любви,
Безъ горечи тоски, безъ трепета волненій,
У нихъ не бьетъ ключемъ вулканъ страстей въ крови,
Они не знаютъ грезъ надеждъ и упованій!
Для нихъ смѣшонъ порывъ мятущихся тревогъ
Они не знаютъ чувствъ и подвиговъ геройства,
И сонъ ихъ жизни всей, какъ медленный потокъ,
Течетъ, не омраченъ тревогой безпокойства!

Леонидъ Афанасьевъ.

1896 г.

Изъ „Корневильскихъ колоколовъ".

Взгляните здѣсь, взгляните тамъ
Повсюду лупятъ по щекамъ,
Взгляните тамъ, взгляните тутъ —
Ужъ хоть кого-нибудь да бьютъ.
Десницѣ съ шуйцей ни почемъ
Свернуться мощнымъ кулакомъ,
И поднимаютъ дымъ и пыль,
Какъ будто это... водевиль!

Михайло Топтыгинъ.

Мученикъ.

Былъ онъ живъ; его трепали,
Онъ прошелъ весь бѣлый свѣтъ...
А за что? На то отвѣтъ:
«За гражданскія печали»!
Умеръ. Душу тащутъ къ бѣсу...
— Маршъ, въ кипяшіе котлы!
— Ваше-ство, за что-жъ вы злы?
— За наклонности къ прогрессу!

М. Т—нъ.

Свѣтлыя головы.

Смеркалось. Сквозь туманъ морозный фонарей
Мерцали огоньки. Бродили чьи-то тѣни.
Мы съ другомъ разговоръ на улицѣ вели
На тему о всеобщемъ оскуденьи...
Вдругъ въ туманѣ пронеслось, куда-то на парахъ,
Команда касками блестящими сверкая.
И прошептали мы: «Нѣтъ не погибнетъ Русь,
Такими *свѣтлыми* главами обладяя.

Недовольному.

Ахъ, зачѣмъ-же ты такъ злобно,
За собой захлопнувъ дверь,
Говоришь, что неудобно
Либераломъ быть теперь?
Полно, другъ! Съ натурой жаркой
Можешь ты среди друзей
Недовольнымъ быть... кухаркой,
Иль квартирою своей.
Можешь ты *ругать...* погоду
Въ зной и стужу, здѣсь и тамъ...
И давать вполнѣ *свободу*
Всевозможнѣйшимъ мечтамъ.
Заводить свои сношенья
Съ красотой танцклассныхъ дѣвъ,
Водку пить *безъ разрѣшенья* —
Подъ каскадный ихъ напѣвъ.
Можешь, съ *партіей* согласной,
Дуться въ карты и лото,
И носить съ подкладкой *красной*
Новомодное пальто.
Разсуждать... о лунномъ свѣтѣ,
Съ толстой палкою ходить,
И въ общественной каретѣ
Съ генераломъ *равнымъ* быть.
Можешь съ доброю судьбою
Отъ души торжествовать,
И публично надъ собою
Власть... жены *не признавать!*
Не кляни-жъ ты жизни бремя,
Залетая далеко,
Въ золотое наше время
Либераломъ быть легко!

Классикъ.

Умникъ.

(Романсъ).

Строгій, серьезный, холодный,
Важенъ, приличенъ всегда,
Скажетъ онъ пусть одно *«да»*, —
Слышенъ ужъ тонъ благородный...
Видно, что баринъ большой, —
Экой, вѣдь, умникъ какой!
Чуть-ли заслышитъ про взятку,
Въ мигъ сокрушится душой:
Долгъ всѣмъ внушаетъ святой —
Самъ-же готовъ взять хоть тряпку...
Но не своею рукой, —
Экой, вѣдь, умникъ какой!
Въ міръ попадетъ-ли ученый,
Тамъ онъ не хуже кого;
Мило глядѣть на него:
Прямо сидитъ, какъ точеный,
Въ тактъ шевеля головой.
Экой, вѣдь, умникъ какой!
Съ теплой участья слезой,
Онъ, для спасенья души,
Нищимъ все сыплетъ гроши...
Братъ его ходитъ съ сумой!
Впрочемъ, дьячекъ тотъ простой...
Экой, вѣдь умникъ какой!
Нравственность онъ уважая,
Пьяныхъ не терпитъ людей,
Учитъ молитвамъ дѣтей,
Въ пятницу-жъ, постъ соблюдая,
Ѣздитъ къ красоткѣ одной!
Экой, вѣдь, умникъ какой!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Ретрограды и консерваторы.

II. Въ нѣдрахъ бюрократіи.

III. Карьеристы.

IV. Около нравственности.

V. Аллегорія и апоѳеозъ.

